Тяжкое золото

Автор:
Александр Минченков

Тяжкое золото

Александр Михайлович Минченков

Сибирский приключенческий роман

Сколько же разных легенд и историй связано с золотом! Сколько приносило оно душевного трепета тем, кто находил и добывал его, принуждало их к неимоверному труду в лишениях и невзгодах. А сколько забрало оно жизней людей, причастных к поиску «золотого фарта» в Сибири. Охваченные алчностью купцы и промышленники, дельцы и мошенники крутились вокруг жёлтого металла, видя в нём лишь богатство и красивую жизнь. Обман, хищения, а часто и убийства неизменно сопровождали золотодобычу. Оттого в народе и называли золото «презренным металлом», а труд старателей – вольной каторгой…

Александр Минченков

Тяжкое золото

Знак информационной продукции 12+

© Минченков А. М., 2016

© ООО «Издательство «Вече», 2016

Часть I. Презренный металл

Группа всадников спешно продвигалась по наезженной конными повозками дороге. Ехали с осторожностью, иногда останавливались, к чему-то прислушивались. Напряжённо оглядывались то назад, то всматривались на путь, лежавший пред ними, готовые при внезапном появлении приближавшегося звука случайной подводы свернуть с дороги и скрыться от чужих глаз в густых зарослях леса. Однако за всё время движения до Аунакитского перевала только раз пришлось им уединиться в чащобе от доносившихся скрипа колёс и окриков извозчиков, понукавших лошадей.

Ночь стояла тихая и безветренная. Не было слышно ни единого звука, даже ночные птахи молчали, то ли насторожились чего, то ли устали от своего неуёмного пения. Дорога плохо просматривалась, и в потёмках путники вглядывались в неё с напряжением.

Кони же уверенно чувствовали дорогу, иной раз от усталости негромко фыркали, порой мотали головами, шли, с повиновением неся нелёгкую ношу.

– Скоро Гераськино, – сказал передний всадник и обернулся к ехавшим позади верховым. – Там и пришвартуемся малость.

– Фома, ты базарил, на Гераськино озеро горное есть, – промолвил один из седоков на вид лет сорок.

– Говорил, – поправив шляпу на голове, отозвался Фома.

– Ну и славно, мордахи от пыли помоем, а можа, и искупнёмся.

– И не только озеро, и банька, сказывали, имеется. Так что, Рябой, и морды сполоснём, и по телу веничком пройдёмся.

Озеро Гераськино высокогорное, оно глубоководное и расположено на границе водоразделов, откуда берут своё начало речки: Бодайбо – по одну сторону, что в народе больше называют Бодайбинка, и Аунакит – по другую. От озера хорошо видна высоченная гора Аунакитская, голая вершина которой выглядит сурово и завораживающе. Ежегодно её северный склон долго не освобождается от снега,

поскольку не поддаётся не то что весенним, но и летним лучам солнца, касающегося лишь незадолго до заката, когда кидает на него уже ослабевающее тепло.

Зимовье на Гераськино представляло собой небольшие четыре сруба из ошкуренных стволов лиственницы, перекрытые накатом из такого же листвяка и корой бересты. Одно из них, чуть поменьше, приспособлено под баню. В избушках имеются небольшие печурки, зимой согревающие своим теплом всякого, кто накоротке или длительно проживал в этих нехитрых избёнках. Утеплены зимовья старательно мхом со всех сторон. Мох был виден меж брёвен стен, на перекрытии и особо в основании. Небольшие застеклённые оконца мало давали света внутри, но зато не позволяли выходить уютному теплу из помещения. Входные двери сколочены из тёсаных досок и были невысокими, но достаточными, чтобы пригнувшись можно было без труда войти внутрь. И если в какой-либо избушке никто не проживал, двери не закрывались на замок, а прикрывались на щеколду, в которую вставлялись небольшие продолговатые деревянные клинышки. Это на случай, чтоб дверь не могла самопроизвольно открыться и было видно – в зимовье никого нет. И только дверь бани подпиралась палкой, больше похожей на толстую клюку.

Содержатель зимовья Климент – мужичок преклонного возраста, внешне смахивающий на деда-добрячка. Невысокого роста, сухощавый, с седоватой бородкой, одетый в повидавшие виды простецкую рубаху, шаровары и резиновые сапоги, топором рубил сухие сучья и складывал их у ближней к озеру избушки, которая и служила баней.

В зимовье останавливались иногда проезжие путники на ночлег, отдыхали, а затем вновь продолжали свой путь. В основном таковые гости из числа Ленских промысловиков, доставлявших или сопровождавших между приисками разные грузы, нередко бывали урядники и исправники по служебным делам. Кто наведывался сюда, часто позволяли отдых непременно с банькой и употреблением спирта или самогона. В таких случаях распаренные и захмелевшие постояльцы добрели, и рюмка одна-другая перепадала и содержателю зимовья.

Бывало, и не редко, через Гераськино проезжали и кое-какие чиновники из «Лензото» (крупная компания золотопромышленников), направлявшиеся для проверки горных работ на приисках, располагавшихся на речках Вача, Ныгри, Хомолхо и ключах, что впадали в эти речушки.

Климент собрался нагнуться и взять тонкую валежину, как заметил приближавшуюся группу всадников. Отложил топор и присел на широкую чурку, используемую для рубки дров, смахнул рукой со лба пот и стал разглядывать незнакомцев.

«Ну, только спровадил одних в одну сторону, а тут в обратный путь кого-то нелёгкая чрез перевал несёт. Что ж за архаровцы таки?..» – подумал Климент.

Группа ездовых подъехала, и Климент привстал с чурки, с любопытством изучая прибывших людей. Всадники остановились, осмотрелись вокруг и спешились. Поправили вещевые мешки на лошадях, которых тут же привязали к поперечной жердине, державшейся на невысоких столбах и служившей обыкновенным стойлом. По виду стойло подюжело не один десяток лет – выцветавшие жерди и столбы были сухими и гладкими, с продольными рассохнувшимися бороздками, навес же выглядел ветхим.

– Здорово, дед! – сиплым и уставшим голосом поприветствовал один из всадников, которого Рябой называл Фомой.

– Здорово будем, – непринуждённо ответил Климент.

– Как звать-то?

– Кто знает, величают Климентом, – отозвался дед, продолжая разглядывать прибывших путников.

– Отгостить пустишь али нет?

– Отчего не пустить-то добрых людей, располагайтесь. Только тесновато всем будет. Вас я, смотрю, семеро наездников да тут двое постояльцев остановились, отдыхают в крайней избушке. Но поместимся, не зимовать же собрались здесь, поди.

– То, что не зимовать, это факт. А кто из постояльцев-то будет? – насторожился Фома, незаметно стреляя глазами по сторонам – старался уловить, нет ли чего подозрительного.

– Да двое старателей. Гутарили, вроде как сами по себе келейно недалече от прииска Ивановского копошились, а теперь продвигаются крадучись к приискам бодайбинским, знать в золотоскуп, я так разумею.

– В золотоскуп, говоришь? – переспросил Фома.

– Вроде как так, – подтвердил Климент.

Рябой и Фома переглянулись, без слов поняв друг друга, оживились, будто и усталость куда пропала. «Вона как! Раз в скупку, значит, им есть туда что нести! Это надо обмозговать с Упырём», – соображал Рябой в предвкушении предстоящего ограбления старателей. И больше его мысли стали донимать не о самом ограблении, а сколько же золота в котомках этих копателей…

Но давайте здесь перенесёмся в чуть ранее время, дабы рассказать читателю, откуда эти герои и что же происходило с ними до этого дня.

Тот, кого Фома назвал Рябым, – бывший заключённый Матвей Петрович Брагин, отсидевший сроки за разные дела и получивший в тюрьме кличку «Рябой», хотя с рождения лицом был без веснушек и без следов перенесённой оспы, а по комплекции выглядел крепышом. Работать на прииск Мариинский он устроился одновременно со своим другом Фомой, а точнее Фомой Карповичем Рябовым, закоренелым преступником, отсидевшим без малого два десятка лет в тюрьмах.

Фома Рябов имел среди уголовников кличку «Упырь». Рослый и широкоплечий, слыл человеком весьма крутого характера, вспыльчивым и непримиримым к людям, перечившим ему, был человеком хитрым и изворотливым. Отбыв долгие годы в тюремной среде, он впитал в себя злобу, ставшую неотъемлемой частью его натуры, с чёрствой душой, не ведавший состраданий к кому бы то ни было.

Рябов и Брагин земляки, а тюремные отсидки их ещё более сблизили. Прослышав о приисках, что в урочищах у далёкой сибирской реки Лены (в то время во многих губерниях шла вербовка рабочих на здешние золотые промыслы), решили поехать сюда в надежде подзаработать или поживиться.

Плыли друзья до города Бодайбо на барже сначала по Лене, а потом по реке Витиму. А далее их путь лежал до главного промыслового управления, располагавшегося на прииске Надеждинском. Редко называли друг друга по имени, а всё больше обходились привычными для них арестантскими кличками. К тому ж в речах нет-нет да иногда слышался меж ними специфичный тюремный говорок, а это простых людей настораживало. Видя в них бывших уголовников, они сторонились их, побаивались. «От греха подальше от этих нехристей», – думалось многим.

Удивились оба, увидев в такой глухомани поезд. Если прицепные вагоны для перевозки пассажиров были обшиты строганым деревом, схожие, что приходилось видеть на Большой земле, то паровоз вызвал у них истинное изумление. Эта железная махина на колёсах грохотала мощью, шипела паром, пронзительно свистела, если подавала сигнал. Приметной особенностью на паровозе являлись крупные иностранные буквы, читаемые как: «Керр Стюарт».

– Смотри-ка, а паровоз-то, наверняк, заграничный будет. Вишь, на нём буквы-то ненашенские, – изумился Брагин.

– Приходилось видеть такие буквы где-то мне, ручаюсь, это немецкие или английские, знамо, машина явно заграничная, – поддакнул Рябов. – Это ж надо в тайгу глухую притащить этакое, – поднял указательный палец вверх, давая понять значимость увиденного чуда.

Сели Рябов и Брагин на поезд, и покатил он их в обжитую людьми таёжную глухомань, глядели непрестанно чрез окна вагонные, дивились красоте проплывающих гольцов и речушек, разглядывали застройки приисков Николаевского, Андреевского, Прокопьевского и многих других, копры шахтовые и терриконики, видневшиеся в долине Бодайбинки. Так и ехали друзья с нескрываемым интересом, пока поезд шёл до прииска Надеждинского.

Встретили их приветливо, рассказали, что на золотых приисках работают люди, чуть ли ни с нескольких десятков губерний, есть школы, больницы, мол, заработки хорошие и будут зависеть от их выработки и усердия, жильём обеспечат, оденут, накормят, лишь бы работали во благо «Лензото».

Тут же узнали – заправляет всеми золотопромышленными промыслами некий главный управляющий Белозёров Иннокентий Николаевич, что это добрейшей

души человек и всегда заботится о благе наёмных подопечных. А подопечных в «Лензото», точнее рабочих, насчитывалось к тому времени около восьми тысяч человек. И все они, не покладая рук, трудятся и получают неплохие деньги, имеют хорошие заработки. Так обрисовал соблазнительную перспективу служащий, заполнявший на людей положенные формуляры.

Услышанная радужная картина пришлась по душе и Рябову, и Брагину, а посему, не вдаваясь в дальнейшие расспросы, сразу дали согласие на своё оформление.

Некий начальник со странной фамилией Теппан распорядился направить их на прииск Мариинский. Оба приметили: властный и строгий – все указания Теппана исполнялись здесь беспрекословно. Служащий главной промысловой конторы со смешной фамилией Цыбулька взял у обоих паспорта, выписал потребные данные и, не вернув документы, положил их в свой стол.

– А паспорта? – поинтересовался Рябов.

– Они вам не понадобятся, а у нас целее будут, возвращаем, когда люди увольняются, – как бы нараспев и улыбаясь, ответил чиновник.

– Как? Это ж наши личные документы! – с удивлением возмутились оба.

– Что вы так встрепенулись, чего пугаетесь? Вас, наёмных, тут знаете сколько, ого! А посему номера вам присвоим, а паспорта по всем рабочим мы уж аккуратно храним здесь, – Цыбулька указал рукой в сторону большого шкафа.

– Это же какой такой знак номерной? Мы ж не арестанты сосланные, – удивился Рябов, заёрзал на стуле, не зная, как поступить в таком деле.

– Успокойтесь, номера – это чтоб проще учёт вести, кто есть кто. Короче, с сегодняшнего дня вы оформлены, сейчас распорядимся, и вас доставят до места. Поедете лошадьми на телегах до Весеннего в сопровождении исправника Овчинина. Как прибудете, получите всё необходимое и приступите к работе. Всё у вас будет хо-ро-шо, – успокоил Цыбулька, сделав ударение на каждое «о» в слове хорошо, после чего деловито захлопнул свою конторскую книгу. – Идите во двор, вас там уже ждут.

Исправник на улице проверил весь прибывший народ по списку, и Рябов с Брагиным в составе вольнонаёмных людей, отправились в путь.

Пока телеги катили колёса по грунтовой дороге до прииска Весеннего, наши герои разглядывали встречающиеся на пути не особо привлекательные посёлки приисков Феодосиевского, Тихонова, Каменистого. На кратковременных остановках больше связанных с тем, чтобы справить нужду, Овчинин не позволял никому отходить далеко от обоза и подолгу стоять без дела, предупреждал: если опоздают к назначенному времени, то это станется нарушением, которое не очень-то понравится начальству.

– Это ещё вам подвезло, подводами добираетесь. Обычно вновь наёмные своим ходом с манатками до мест назначения шагают. А тут, значит, с вас за это в счёт будущего заработка и высчитают, это уж непременно, – высказался на одной из остановок Овчинин.

«Ну и чёрт с ними, пущай исчисляют, деньги-то вроде как толковые обещают, так и за доставку откинуть не жалко», – подумалось тогда Рябову. Предвкушение хорошего заработка у него было велико, оно отражалось на лице, душа же пребывала в нетерпении.

Обоз наконец-то прибыл в рабочий посёлок прииска Весенний. Высадились у конторы прииска. Исправник подал команду рассаживаться на другие подводы, уже поджидавшие свежую рабочую силу.

Подводы тронулись. Ехали долго, но лошади смиренно тащили телеги и, похоже, не обращали внимания на удары кнутов, иногда прилетавшие на крутые бока от кучеров. Если вначале мужик, управлявший лошадью, был словоохотливым, то поменявшийся на Весеннем возчик попался нашим героям угрюмый. Всю дорогу молчал, иногда недовольно бурчал себе под нос и в бороду, не отвечал на вопросы попутчиков, и сам ничего не спрашивал. Завербованные же люди, трясясь в дороге на телеге, иной раз меж собой перекидывались словами, вели беседу.

Доехали до прииска Мариинского.

По прибытии, поселили Рябова и Брагина в большой и ветхой казарме, где проживало немалое число людей.

Приисков в «Лензото» было много. Самые крупные по масштабам добычи и численности рабочих располагались в долине Бодайбинки. Обширные работы велись и в долинах речек Ныгри, Хомолхо и Вече. Имелись прииски и в более дальней тайге с иными речками и ключами.

Прииск Мариинский же считался небольшим. В посёлке несколько построек: жилой дом для горного надзора, конторка прииска, конный двор, два небольших склада, кузня, лавка, торговавшая продуктами и спиртом, кухня с ледником для хранения мяса и рыбы, и две казармы, многими именуемые бараками, для проживания рабочих. Жили в них люди вперемежку: и холостые и женатые, средь взрослых ютились и ребятишки.

Перешагнув порог казармы, Рябов и Брагин тут же вдохнули смрад вони, сырости и устоявшегося пота. Грязь была всюду: на прогнивших полах и серых стенах. Закоптелый потолок подпирали несколько стоек из не толстой лиственницы. На деревянных нарах лежали матрацы и одеяла, от времени потерявшие свой приличный вид. Подушки, больше похожие на кульки набитые тряпками, перештопаны по нескольку раз. Огромная печь стояла посередь казармы, вокруг которой устроены осиновые жерди для сушки робы и обуви, дополнительно для развешивания одежды вдоль стен наколочены в два ряда гвозди. На печи стояло множество кастрюль и чайников, в них рабочие кипятили воду, подогревали чай, варили еду.

Не ожидали друзья увидеть убогое горняцкое бытие, а посему весьма разуверились.

– Вот это клоповник! Чую, попали мы с тобой, Рябой, в глубокую задницу… – Рябов почесал затылок, окидывая взглядом пристанище.

– Ни фига себе! Это и есть хвалёное жильё?

– Выходит так, другой хаты я не зырю, – продолжал удивляться Рябов, осматривая приисковое жилище.

– Ничем не лучше тюряги, – подавленно заключил Брагин.

Вот и состоялось первое знакомство с прииском. А дальше познали и всю «сладость» жизни Ленских горняков. И не только познали, но и за короткое время нахлебались ею вдоволь, «по самые ноздри» – так оценивали они тяжесть своего бытия.

Казармы таковыми были на всех приисках и представляли собой примитивные бараки, в них и коротали своё жалкое существование рабочие промыслов. Не особо-то постройки годились для проживания в летнее время, не говоря уж о зиме. От постоянных стирок белья полы в казарме намокали, обрастали плесенью, всюду витал запах гнили. К тому же вынужденная сушка мокрой одежды и обуви проживавших людей добавляли влажность и стойкий запах пота.

С первых дней пребывания Рябов и Брагин на себе ощутили, что Белозёров, о котором наговорил им «добрейшей души человек», на самом деле на рабочих не особо внимания обращал. Белозёрову не хотелось тратить деньги на обустройство и благополучие тех, кто горбатился на приисках, поскольку интересовала его лишь экономия средств и прибыль.

В каждой казарме на прииске Мариинском проживало по сорок пять – пятьдесят рабочих. Конечно, состояние быта уж больно сильно тревожило нутро, но ещё больше душу угнетала мизерная зарплата и поистине каторжный труд, с чем столкнулись два бывших арестанта, успевшие по жизни на себе изведать тягостное бремя за колючей проволокой. И вот теперь, сопоставив жизнь с тюремными условиями, им виделась среда приисковая что неволя.

Узнали друзья: зимой приискатели работают по двенадцать часов, с весны ж до глубокой осени – по четырнадцать. Тяжкий труд, да так длительно, мог выдержать только выносливый мерин.

Рябов и Брагин убедились: да, обеспечивали, как и обещали, продовольствием и одеждой, обувью, табаком, предметами первой необходимости и даже спиртным, за что управа не забывала высчитывать с заработка. Но столкнулись и с казённым питанием, от которого иной раз нос воротили, есть не хотелось. Скудные, а больше не особо приятные на вид и запах продукты, выдаваемые по карточкам в лавке, часто бывали некачественными, а порой испорченные и непригодные к употреблению, а это вызывало у рабочих на прииске всеобщее и справедливое недовольство.

Высказал днями Рябов свои рассуждения одному труженику – Серафиму Клинову, совместно проживавшему в одной казарме и работавшему бок о бок на одном участке. Намётанный глаз Рябова усёк сразу, что Клинов здесь не по своей воле. И не ошибся. Серафим по возрасту старше Рябова и, как оказалось, из числа приписанных. А сослали его с Тамбовщины в Сибирь за уворованного у помещика бычка, которого забил и решил втихую расторговать в соседних сёлах. Да только «тихо» не получилось. Либо кто донёс, либо помещик у кого сам дознался, проведал, и обрушилась беда на Серафима.

– Ну, проясни ты мне, Серафим, не первый год ногами землю топчешь, какого чёрта с меня сгребли за всё про всё больше сороковника рубчиков за отпаханный месяц?! Да ещё с такими харчами, от которых коленья подгибаются! – возмущался Рябов. – А получку насчитали в шестьдесят целковых! Видал, что осталось-то! Пахал, пахал, а карман не больно-то оттопырился.

– Я сам кажный месяц заработок тараню и боюсь растерять его, так что свыкайся. Шестой годок барабаню, а всё едино ничего не меняется, мать их ети! – злобно в ответ выругался Серафим, сплюнул на пол, нервно ногой растёр слюну.

– Что ж вы разгунделись, кто просечёт, так и этого не пощупаете, – предупредительно промолвил лежавший рядом на нарах Семён Прохоров, услышав разговор меж Рябовым и Клиновым.

Семён Прохоров на приисках почти два года, как поселенец. Осужден за крупную кражу и направлен был в Киренск на исправление. Срок вышел, но прослышал про Ленские золотые прииски и добрался сюда в надежде заработать и уехать с деньгами, да понял чуть спустя некоторое время, что попал сюда надолго и накрепко, вроде и не привязан, а не убежишь.

Рабочий люд на приисках представлен в основном и повсеместно из бывших крестьян и батраков. Приехали они с деревень и сёл из разных мест России за «золотым фартом» в надежде – золото им даст достаток встать на ноги, забыть бедность и голод. Но был небольшой контингент и из числа политических ссыльных, а также и бывших уголовников. К последним приискателям и относились, как уже знает читатель, наши герои.

Прохоров познакомился с Клиновым в первые же дни. Благодаря общему прошлому, быстро сблизились, доверительно относились друг к другу. Обособленно общались, не допускали к себе чужие уши.

Рябов с первых дней присмотрелся и к Прохорову – топчаны рядом стояли, так он пред ним постоянно и маячил, а говорок Семёна шептал сам за себя – этот человек имел срок.

– За что сидел-то? – как-то на улице спросил Рябов Прохорова.

– Откуда донос? – на вопрос удивился Семён, вскинул глаза, ждал ответа.

– Да уж сам зрю.

– Ты что, тоже в казематах бывал?

– Давай эту тему давить не будем. Ты мне лучше шепни: давно здесь пашешь?

– Ещё месяц, и два года как будет.

– И что, не уж ли нравится эта параша?

– А она здесь никому не нравится. Документов нет, грош нет, а если что и есть, так на себя их и сжигаешь, чтоб выжить, сиганёшь без документов, значит соскок, и во всех делах бесправный. Мы тут с Клином как-то было в бега собрались да мозгами раскидали: бежать-то некуда – кругом тайга глухая.

– А что за Клин?

– Да это я так Серафима зову.

– А народец-то смотрю, как волы в ярмо впёрлись, вместо того, чтобы начальников на вилы приподнять.

– Ты меня прямо как на допросе за язык тянешь, – мельком осмотревшись вокруг, с опаской ответил Прохоров.

– Да не страшись ты, понять хочу, – вспылил Рябов.

– Не молчат, бузят, то там, то здесь, да промеж себя негодуют, а больше стонут, сам уж усёк, пожалуй. А оно без толку, так что, про какие тут вилы речь. Давеча как тебе тут появиться горняки заварушку организовали, забастовку значит.

– Ну?..

– Что ну, раздавили словно клопов.

Прохоров достал кисет с махоркой, извлёк щепотку и скрутил её в клочок газеты, раскурил и глубоко вдохнул в себя едкий дым.

– Власть тут местная уж больно строптивая, служивых с оружием полно для этого держат. Заводил, аль кто горластый выгоняют – кому они тут нужны смуту наводить. А им куда деваться? Жрать-то надо, так они подаются в копачи-старатели, но их гоняют повсюду, как собак бешеных, а бывает, и постреливают. А на освободившееся место за воротами такие же, как мы, в очереди стоят. Прут и прут люди со всех губерний на прииски – вербуют шибко складно.

– Да-а, этот Белозёров, видать, покруче пахана тюремного будет, – недовольно бросил Рябов. Пнул лежавший подле сапога камушек, тот покатился, но вскоре остановил свой бег и замер.

– Оно не лучше Белозёрова и управляющие приисками, одного поля ягода.

– Правду гонишь, сам вижу, – согласился Рябов и, прислонившись к уху собеседника, тихо добавил: – Только не собираюсь я, Проха, под этими управляющими свой зад парить.

Непроизвольно высказанное Рябовым слово «Проха», с этого дня прилипло к Семёну Прохорову, как кличка. Стал звать его так и Брагин. При этом Семён не обращал внимания на новое прозвище, а воспринимал как сокращение своей фамилии.

Четыре часа утра. Пора вставать. Не отпускает дремота, к тому же ломит руки и поясницу. Рабочий день начинается в пять утра и нужно успеть поесть да приступить к работе вовремя. А опоздаешь, аль провинность какая другая выйдет, тут уж не обессудь – взыщут власти с заработка штрафы целковыми.

«Да доколь, твою мать, это можно терпеть?! – ещё не вставая с нар, в душе вспылил Упырь. – Нет, надо ускорять дела намеченные, иначе сгинешь ты тут Фома Карпович».

А наметил Упырь в своём уме планы дерзкие. Вкусив в первый же месяц гнилую жизнь на прииске, он понял – не по нему такое рабство, от которого крепко нутро давит.

«Золотой фарт должен быть таким: схватить много и сразу, чтобы обеспечить дальнейшую безбедную жизнь без забот и хлопот. А здесь богатство рядом, и надо только грамотно ухватить, продуманно хапнуть! Собрать костяк, прикинуть, как и что, добыть оружие, карту обширной тайги до самых окраин с её речушками и тропами. Пройти по промыслам, навести шмон, набить сколь получится золотья и смотаться с этих мест. Красиво уйти, с большим сокровищем. Тайга большая, ищи-свищи, только всё обмозговать до тонкостей надобно…» – так рассуждал Фома Рябов.

Без четверти пять вышли из казармы Рябов и Брагин. Рабочие вереницей молча и понуро шли в сторону горных работ, где их ждали кирки, лопаты, а с ними и изнурительный труд. Были и такие: шагали в конюшни запрягать лошадей в повозки. В этой людской веренице каждый шёл и думал свою думу, лишь изредка слышались мимолётные разговоры.

– Рябой, сегодня вечерком одну мыслишку промотать бы надо.

– А что за мысля-то?

– Тебе не надоело жрать баланду и пахать с утра до вечера?

– Ну, ты, Упырь, тоже спросил. Кому охота горбатиться за гроши да клопов в казарме кормить?

– Так вот, дума одна у меня уж как с полмесяца в голове бродит: золота урвать сколь сможем и сгинуть отсюда.

– Как это? – оживился Рябой. – А сможем?

– Сможем, ежели всё продумать толково.

И Упырь вкратце объяснил суть своего плана.

– Упырь, ты меня знаешь, я хоть на плаху с тобой! – горячо и с одобрением отозвался Рябой.

– Вечером подгоним Проху и Клина, вместе и обсосём, что к чему.

Большинство рабочих трудились на вскрыше пустой земли, не содержащей золота. Они кирками взрыхляли грунт и лопатами грузили его в лошадиные повозки, похожие на большие сколоченные из досок ящики. Вывозили и разгружали грунт в отвалы за пределы добычных работ. Часть рабочих копали шурфы и по мере копки лотками промывали породу. Если в лотках обнаруживались значки золота, становилось ясно – пустым породам конец. Остальное, что ниже, это и есть золотоносные пески до самого уровня скалы.

Упырь же работал не на шурфах и не на вскрыше, а на золотоносной жиле. Он размахивал киркой со злобой и не так чтоб в азарте, а от нужды тужился и думал: сколь же здесь этого драгоценного металла лежит под ногами, если бы хоть какая доля принадлежала ему и жизнь была б иная. Кайлённый грунт Упырь грузил лопатой в ручную повозку. Рябой наполненную породой тачку катил на промывку к бутаре, здесь её и разгружал.

Через два-три часа друзья менялись.

Рабочие, трудившиеся у бутары, расшевеливали лопатами породу. Она обильно разжижалась водой и, превращаясь в пульпу, смывалась и уходила по длинным наклонным желобам.

С удивлением Рябов и Брагин поначалу смотрели на устроенные деревянные сплотки, служившие подводом воды из русла речки для промывки породы. Решётчатые трафареты и грубые шкуры животных, уложенные на днище бутары и желоба, задерживали оседавшее золото, а промытая и уже пустая порода с грязнущей водой скатывалась, образуя навал из камней, песка и гальки. Навал накапливался, создавал помеху в работе, и его нужно было периодически убирать. Такой работой тоже приходилось заниматься Рябову и Брагину, меж рыхлением, погрузкой и откаткой породы.

После смены трафареты в бутарах и желобах вскрывались, обогащённый песок доводился до концентратов, а тут уж с помощью выдолбленных из дерева лотков, домывали и отделяли россыпное золото. «Вот оно, золото!» – восхищались рабочие, но и отчаивались: «Ведь копейки выплатят кровопийцы, за пот пролитый…»

Бутар на россыпях прииска насчитывалось около десятка, и у каждой горняки горбатились натружено, не разгибаясь, перелопачивая золотоносную породу, убирая промытые пески и камни.

Труд физически тяжёлый, по сути, рабский, изо дня в день изнурительный. Добывая золото, они взамен получали жалкое существование и бесправие, хозяева же промыслов приобретали огромные прибыли.

За всем горным процессом, и особо при съёмке и доводке золота, наблюдали караульщики от надзора. И, не дай бог, если кого замечали в послаблении усилий или схалтурить, тогда делали для себя пометки, кои служили непременному взысканию штрафов, а если кого примечали укравшим самородок, так тому хоть ложись и помирай.

О нарушениях на производстве, даже незначительных, контролёры незамедлительно сообщали начальству, а тут уж управляющий прииском жёстко реагировал на сигналы, дабы соблюсти всеобщую дисциплину и послушание рабочих.

Если у кого и получалось схоронить найденное золото, тот рисковал всем. Но умудрялись иные рабочие скрытно, сторонясь чужого глаза, сдавать благородный металл в золотоскуп, а полученные деньги уже становились их достоянием. Хоть и догадывались кто из надзора, что с участка тайно поднято и

сдано не в приисковую кассу, однако не пойман – не вор.

Обедали горняки в одно время. Рабочие, кто в одиночку, кто кучкой уединялись, ели больше молчком и всухомятку, погрузившись в свои тягостные мысли.

– Жратва-то уж в глотку не лезет, – сквозь зубы процедил Рябой. – Сколь ни толкай в нутро, а всё одно руки трясутся.

– Не трави душу, не о том думать надо, – упрекнул Упырь Рябого.

В этот день, ничем не отличавшийся от обычных будней, работы закончились в двадцать два часа. Уставшие и измождённые рабочие покидали россыпи. Шли в казармы, чтобы снять с себя намокшую от воды и пота робу, и только размышляли, как бы быстрее завалиться на топчан, дать расслабление спине, проглотить что-нибудь из еды. Семейные же люди ещё и с заботой – чем накормить и детей.

Упырь и Рябой развешали одежду, поставили сапоги на просушку и позвали к себе Прохорова и Клинова.

– Ну чего там? Только вытянул ноги, а вы тут с каким-то собранием, – недовольно буркнул Прохоров и повернулся на другой бок.

– Ты, Проха, не гундось, ежели так пахать дальше будешь, раньше времени и взаправду вытянешься. Дело есть, перетереть бы надо.

Прохоров привстал.

– Что за дело-то?

– Выйдем наружу, там и базарить будем.

Все четверо вышли из казармы и уединились поодаль от лишних ушей и взглядов. Со стороны же любой человек видел – просто сидят рабочие, курят и судачат о жизни.

Любил Упырь в беседах с кем-либо вставлять приятные на слух выражения: «барин», «бояре», «господа», вроде как сравнять себя и друзей с таковыми, и в то же время показать свою значимость пред горняцким людом.

– Так вот, господа промышленники, тема шибко уж щепетильная имеется, сейчас растолкую, так что загодя предупреждаю: язык за зубами держите, прежде чем рот разевать пред кем-либо… – начал Упырь.

– Да что за тема-то? Не томи, – перебил Упыря Проха.

– Ты нетерпёж свой запихай куда следует и слушай, – чуть возвысив голос, оборвал Упырь. – Мы с Рябым здесь уже два месяца в одной параше кувыркаемся. Вы же годами свои задницы трёте. Так вот, если надоела житуха такая, то есть предлога заманчивая: грабануть золота и покинуть эту землю благодатную. Не собираемся мы тут с Рябым долго засиживаться, с нас хватит ноздри драть. Ну как, вы с нами али нет?

От такого внезапного предложения Проха и Клин примолкли, соображали: «Как это грабануть и покинуть промыслы, если они, отработавшие здесь на приисках уже не один год, не понаслышке, а воочию видели, что случалось с теми, кто супротив воли властей местных шёл. Таковых кого увольняли без расчёта, кого на каторгу определяли, а те уж, известное дело, задарма спины гнули. Да и дело с ограблением – это тебе не малой самородок с россыпи тайком украсть. А уж уйти с приисков с награбленным золотом незаметно, куда выдумка непосильная».

– Неподъёмное уж больно дельце ты подгоняешь, этак можно и башку свернуть, – нарушил короткое молчание Клин. – Тут ведь как, если и грабанёшь сколь золота, ноги не унесёшь, а унесём, так тайга остановит. Куда бежать-то? Глухомань кругом непреодолимая, ближайшее жильё за сотни, а то и тысячи вёрст. Медвежий край, чего хотите?

– Для этого и собрались мозги напрячь, чтоб всё складно вышло. Мы тут с Рябым чуток покумекали, намётки накидали. Будем действовать с размаху, лошадей умыкнём с сёдлами, оружие добудем, оно ведь не только для грабежа понадобится, а и в тайге поможет от зверя какого свирепого отбиться.

– Ну, взяли мы золото, на коней уселись и куда ж мы из этого капкана денемся? Сразу ехать и жандармерии сдаваться? – криво ухмыльнувшись, возразил Клин.

– Ты не заводись, Клин, а раскинь мозгами. В тюряге оказаться никому не хочется, а посему очень уж нужна карта приисков здешних и дальних, чтоб на ней и речки и ключики все были указаны, дороги и тропы таёжные. И пойдём мы, братва, не теми путями, что властям ведомы, а погоним всё иначе. Один местный абориген поведал мне: есть какие-то тропы через другой водораздел и выводят они на реку Лену совсем в другой местности, весьма далёкой от приисков наших. Но на саму Лену он не советовал идти – там кордоны могут быть и тогда амба. А идти следует, как сольются речки Чара с Олёкмой, так вдоль Олёкмы и вверх по ней, а там уж чрез перевал и вроде как город Чита будет. Чего вам дальше травить, само понятно – на Большой земле другой простор, найди нас родимых.

– До этого простора уж больно шагать долго, кругом урман дикий, – засомневался Клин.

– Да, не близко, но зато надёжно, куда нам спешить-то, и отзимовать в пути придётся, тайга богата – рыба, зверь есть, так что с голодухи пухнуть не придётся.

– А где ж возьмём карту этакую? – спросил Проха.

После недолгого раздумья Клин вдруг встрепенулся:

– Есть тут один бывший армейский дезертир, уж мужичок необычный. Скрипит сам по себе на уме и не больно-то с кем чирикает. Так вот, как я приметил, он знаком с чинушей из приисковой конторы, что к бумагам всяким приставленный, на деньги шибко охочий, так что попытать можно.

– И что за фрукт такой? – спросил Упырь.

– Роман Пестриков, чаще Ромой зовут. Он и на счёт оружия можа что знает: где, что и как лежит. Его б подвязать, была бы польза.

– А он не пуганётся?

– Если к себе подпустим и про лёгкое золотишко расскажем, осмелеет, к тому ж сами чуете: нам без него не обойтись, коль он с конторской крысой близок. А то, что согласится или нет, так кто знает, можа ему эта местная барматуха тоже опостылела.

– Ладно, покажешь этого Рому, я сам с ним посудачу, – сказал Упырь.

– Если примкнёт этот дезертир, нас будет пятеро, маловата команда. Человечков бы ещё три-четыре, – встрял в разговор Рябой.

– На кой нам надобны лишние рты, они не в тему. Делить всё, что поимеем, как-то неуютно получается, да и оружия и коней на большую кодлу сложнее добыть будет, – возразил Упырь. – К тому ж малым отрядом нам проще по тайге пробираться.

– Так это, если что, кони-то и на соседнем прииске Талом имеются, – не отступал Рябой, надеясь, что Упырь согласится с его предложением увеличить группу единомышленников. «Всё ж смелее действовать можно будет, когда людей больше, да и в случае чего шансы увеличиваются сохранить свою “шкуру”, всякое бывает…» – оценивал он.

– Мы что, по двое на одной кобыле до Талого помчимся? Всё, закончили, если какая мысля дельная придёт, смотайте мне.

На следующий день, когда рабочие возвращались с горных участков в казармы, Клин издали показал Упырю Пестрикова, ничем не отличавшегося от остальных рабочих, он шёл устало, только изредка подкашливал и сопел.

– Ты, Клин, отстань-ка чуток да шагай до барака, а я с ним душа на душу перемахнусь, – бросил Упырь и прибавил шагу догнать доселе незнакомого ему человека.

Пестриков проживал в другой казарме, работал на более дальнем участке, почему Упырь и не примечал его раньше.

– Здорово, барин! – с усмешкой произнёс Упырь и слегка хлопнул Пестрикова по плечу.

– Кто таков, чего надо? – вместо приветствия невесело ответил Пестриков.

– А чего угрюмый-то, притомился, что ль?

– Ты куда идёшь? В казарму? Вот и вали своей дорогой.

– Я гляжу, ты злой почто-то, только спусти пар, а не то угомоню разом, – рассердился Упырь, невольно сжав кулаки.

Пестриков насторожился. Такого вызывающего отношения к себе от кого-либо на прииске он никогда не имел, оттого с тревогой и глянул на незнакомца.

– Чего надо?

– Вот это другое дело, а то уж грабли у меня зачесались. Так вот, Рома, надобность есть с тобой перетолочь тему и бегом бы надо. Как развесишь бельишко своё, соберись да подскочи к лавке торговой, там и потолкуем.

Упырь отошёл от Пестрикова и направился в сторону казармы. «Странный мужичок, но, пожалуй, такой сверчок сгодится, чую, глаза воровские. Если что не так, сломаю, но выпотрошу душу окаянную», – размыслил Упырь.

Пестриков же от горестных мыслей своего существования переключился на другие размышления: «Что за тип? Не видывал я его ранее… Значит, из вновь наёмных, а может и уголовник сосланный, говорок уж больно тюремный. Что ж ему от меня надобно?.. Пристал, словно лист банный. О чём же ему со мной говорить потребно, о чём?.. И знает ведь, как звать меня…»

У лавки рабочих собралось немного. Посещали её те, у кого водились деньги, покупали в основном съестное и водку.

Упырь с Пестриковым встретились и отошли поодаль от лавки.

– Так вот, Рома, сказываю сразу с места в галоп: есть мужики, которым нестерпимо край этот покинуть хочется.

– Ну а я тут при чём? Пусть покидают, если есть на что.

– Покинуть не так просто, а прихватить с собой солидное золотишко и уйти от этой кабалы тяжкой, чтоб жить веселей было, – продолжал Упырь и глянул в глаза собеседнику. – Если с этим народом двинешь, пятая доля твоя и забудешь тогда эти прииски хвалёные.

– С чего ты взял, что вот так прямо возьму и двину с каким-то народом, да ещё и с награбленным золотом, я пожить ещё хочу, – ответил Пестриков, удивившись неожиданному и откровенному предложению от совершенно незнакомого ему человека.

– Ты врубись, а опосля отвечай. Нас четверо, мужики такие, надёжней не бывает, вооружаемся, берём выработок прииска, грузимся на коней и тайгой уходим по неведомым тропам.

– Да эта затея на первом же бодайбинском прииске или край как в Бодайбо рассыплется, и тогда – в лучшем случае каторга, а в худшем… – тут Пестриков вскинул руку и ладонью провёл поперёк горла. – Такие дела на приисках раньше уже затевались, последствия уж больно плачевные.

– А ты не скули, а разумей, что тебе скажу. Кто раньше что делал – я участия в том не принимал, но слыхал – глупо в капкан залазили. Всё будет иначе и пойдём не чрез бодайбинские прииски, а другой дорогой и тайными тропами, что местным сатрапам не ведомы. Нас будут рыскать там, где они привыкли беглых каторжников вылавливать. Здесь, Рома, задумка иная. Жить надо красиво, а не горб гнуть и клопов кормить.

– Что жить надо красиво, я лучше тебя знаю. Но скажи мне, если всё готово к такому походу, в чём дело-то, я то здесь при чём?

– А при том, Рома, есть от тебя нужда кое-какие задачки решить, и уж тогда всё будет готово. Только скажу тебе наперёд: согласен ты или нет на эту авантюру, но ты прознал от меня больше, чем знаю я. Если кому хоть полслова моргнёшь, ты покойник. Понял? Покойник! Меня возьмут, но кореша мои тебя в шурфе

зароют, помни об этом, даже когда спишь.

– Чего там, соображаю, о чём речь, в таких делах я могила, сам себе ничего не скажу, – испуганно выпалил Пестриков, беспокоясь, чтоб столь необычный и грозный собеседник правильно его понял.

– Рома, это очень хорошо, что ты врубился.

– Как тебя величать-то? А то говорим, а я даже имени не знаю, – произнёс Пестриков.

– Упырь.

– Упырь? – переспросил Рома.

– Так будет проще, – ответил Рябов.

– Скажу тебе, коли уж такой разговор пошёл. Были мысли у меня сбежать с чем-либо стоящим, но подходящих людей нет, все только возмущаться, недовольства начальству выдвигать могут, а ничего не меняется, всё идёт сверху как по писанному. Если есть люди отчаянные и надёжные, то я подумаю.

– Думай, Рома, крепко думай, время тебе один-два дня не боле. Но если ты всё ж в отказ пойдёшь, занозу ты мою одну, а то и две вытащить обязан.

– Чего надо-то? – вскинул взгляд Пестриков.

– А это я тебе потом раскрою.

На этом Рябов и Пестриков расстались, договорившись встретиться на этом же месте через два дня и обсудить затею.

Два дня изнурительного труда с тачкой, киркой и лопатой Упырь с Рябым провели в подавленном настроении. Двое суток шёл непрерывный и мелкий дождь. Одежда, насквозь промокшая, неприятно касалась тела, что ещё более

угнетало, вызывало уныние. Находиться же в таком одеянии было крайне неприятно, отчего еду на коротком обеденном перерыве проглатывали лишь бы быстрее насытиться.

– Как же от всего этого мутит, ну мочи нет. Ты, Упырь, этого дезертира прижми покрепче, когда встречаться будешь, чтоб не извернулся, а костьми лёг и исполнил нашу потребу, – ёжась от прохлады и сырости, произнёс Рябой.

– Исполнит, куда он дёрнется, – думая о чём-то другом, ответил Упырь.

В эти дождливые дни Упырь ни разу не подошёл и даже издали не глядел, как производили зачистку бутар и лотками промывали золото.

Этот процесс к концу рабочего дня на первых порах его особо тянул к себе, он смотрел, как в лотках появлялись мелкие и более крупные частицы необычного россыпного металла, а иногда и самородки. Благородный металл с матово-жёлтым оттенком и отблеском привлекал и завораживал Упыря.

Золото собирали со всех бутар на участках, ссыпали в специально сшитые из кожи мешочки, их помещали в небольшой кованый ящичек, закрывали и навешивали замок. Всё это делалось под неусыпным присмотром смотрителей. Уполномоченные служащие от надзора переезжали на подводе от бутары к бутаре, а собрав со всех участков намытое золото, увозили его в контору прииска.

Иной раз Упырь видел, как к конторе подъезжала запряжённая парой лошадей кошёвка, заходили вооружённые служивые, грузили накопившийся за несколько дней добытый драгоценный металл и увозили всё в сторону Надеждинского прииска.

«Сколько же вокруг этого золота народу крутится, сколько же люду годами землю роют и дохнут, как мухи? Вроде бы в этих камешках и нет ничего особенного, а какую силу-то за собой тянет жёлтый металл. Каждый день такие смывки, аж глаза режет, а по всем приискам, ежели взять!.. Вот деньжищ-то загребают золотопромышленные хозяева. Ничего, придётся им со мной поделиться, не всё только вам в шубах ходить, да вино с колбасой хавать…» – размышлял про себя Рябов.

Упырь подошёл к лавке, когда Пестриков уже поджидал его. Ёжась от прохлады только что закончившегося дождя, он держал обеими руками отвороты суконной куртки и прижимал их плотнее к горлу.

– Чего надумал-то, боярин? – бросил Упырь.

– А чего тут думать, бежать отсель надо, если говоришь люди надёжные, да тропы тайные имеются. Не выдержу я здешние порядки, лучше сдохнуть на воле, чем тянуть тягость опостылевшую.

– Это, Рома, ты правильно раскидал, – одобрительно кивнул Упырь. – Так вот, прослышал я, у тебя в конторе есть один служака, край как знакомый тебе. Надо б чрез него карту района обширную заиметь со всеми урочищами, речушками и ключиками.

– Откуда проведал, кто сказал?

– Рома, не о том пока базар. Ты подкатись к своему клерку, да реши через него этот вопросик.

– Да есть ли в конторе такая карта? Не знаю даже.

– А ты, Рома, узнай. Если нет в конторе, то железяка такие карты имеются в управе. У твоего служаки верняк есть знакомый там, это ж одна сатана, вот и закати ему шар, пусть его раскатает.

Пестриков чуть призадумался и ответил:

– Тут деньжата понадобятся. Что знакомый служащий, что тот, к кому он обратиться с просьбой таковой, так все они деньги любят. Во всяком случае, сам знаешь, деньжата-то веселей вопросы решают, нежели слово пустое.

– Я про деньги прикидывал. Сообща наскребём, кое-что есть. – Тут Упырь в упор глянул Пестрикову в глаза и голосом надавил: – Надеюсь, у тебя запас тоже какой имеется?

– Немного подкопил, я ж все эти годы на водку деньги не растрачивал, – не выдержав взгляда Упыря и отступив на шаг, поторопился ответить Пестриков.

– С этим мы угомонились, теперь вопрос с оружием.

– А что с оружием?

– Нужно оно уж больно нам, сам понимать должен.

– С оружием проще, чем с картой. Ночью, когда надзор и служивые спят, проникнем в контору и возьмём. Но у них всего два или три револьвера, те, что при сопровождении золота используют, а винтовок в приисковой конторе я не видел.

– Разберёмся, для начала и этого хватит, – ответил Упырь. – Что-то на прииске Талом добудем. Наш прииск грабанём, сразу и Талый зачистим. Лошадей на Мариинском для нас пятерых хватит, одну, можа, под груз завьючим.

– Я размышлял эти два дня и предлагаю золото на нашем прииске не трогать, ни к чему…

– Как не трогать, как ни к чему? – перебил Упырь Пестрикова. – Ты чего баламутишь?

– А то говорю, захватив оружие и лошадей, мы не возьмём ни единого золотника, ни на нашем прииске, ни на Талом, туда и ехать не следует.

– Рома, я что-то недопёр. Ты чего тюльку гонишь? Здесь не возьмём, на Талом не объявимся. Да на Талом же золотьё, и наверняк, один-два нагана имеются, а может, и винтовка, прииск этот небольшой, как и наш, врасплох враз его разуем.

– Никого не надо грабить здесь, уйдём лошадьми и только с оружием.

– Вот так без золота и в тайгу? Ты что рехнулся? Ради какого дьявола затеваем этот балаган тогда? – опешил Упырь от предложений собеседника. – Нет, ты, смотрю, чумной какой-то!

Упырь вспылил, и хотел уже было схватить Пестрикова за грудки, но Пестриков спешно приподнял обе руки и ладонями обратил их в сторону Рябова.

– Да погоди ты кипятиться! Так будет лучше. Власти не подумают, что мы грабители, а решат: работяги просто сбежали с прииска и меры на поимку нас вряд ли примут активные. А золото мы возьмём на приисках, что за перевалом, там и прииски богаче будут, и отсюда переть не надо. А пока до них будем добираться, тамошние приисковые конторы никем не будут взбудоражены. Пройдём налегке, облаву сотворим и айда с этого ада.

– Ну, ты хоть бы без затяжки свои мыслишки-то выкидывал, а то у меня аж нутро всё закипело. А это ты толково замутил, молодец, Рома, недопёр я как-то до ентого дела.

– Завтра у меня день выходной, вот я и наведаюсь к своему знакомому, поговорю про карту.

– По деньгам, что понадобятся, завтра же и прикинем по кошельку, всё надо выложить до единой копейки, с лихвой окупятся, – заверил Упырь.

– Знамо, что окупятся. Что ж жалеть их, коль на такое идём. Только вот что скажу я ему, для каких целей карта эта нужна?

– Ты ж мозговитый, придумаешь чего набуравить, – ответил Упырь, при этом слегка похлопал рукой Пестрикова по плечу.

Много Пестриков дум передумал: а правильно ли, что согласился на авантюру столь дерзкую и опасную, от которой не только всего лишиться можно, но сгноить себя в тюрьме затхлой? К тому ж с людьми незнакомыми. Но всё ж мысли такие откидывал в надежде: раз с людьми пойдёт бывалыми и отчаянными, то и намерения золота с лихвой прибрать сбудутся, и тропами никем не ведомыми уйдут тайгой. Да и о здоровье стал больше беспокоиться – чувствовал в себе немощь наступающую, а далее терпеть тяжкую работу никак не хотелось. А что и скопишь с трудом, так тем и попользоваться, может, не успеешь – зароют раньше времени.

На следующий день Пестриков поднялся по невысокому крыльцу приисковой конторы, постучал в дверь. Не услышав ответа, потянул за скобу, и дверь

приоткрылась.

– Можно войти?

– Можно. Кто там? – послышался сипловатый голос.

– Это я…

– А, Роман, проходи.

Служащий конторы сидел за столом и перебирал бумаги.

«Слава богу, никого, кроме Плешева, нет, никто не помешает словом перекинуться», – отметил про себя Пестриков и, перешагнув порог, прикрыл дверь.

Плешев Федот Степанович – возрастом под пятьдесят годов. На прииск Мариинский попал лет несколько назад – был переведён с главной управы за чрезмерное потребление спиртного. Увольнять хозяева не стали, а, учитывая имеющуюся у него грамотность и умение вести учёт, отправили на такое вот исправление – на более дальний и небольшой прииск. Боясь потерять работу, выпивку забросил. Он осмыслил: очередным переводом может оказаться горным рабочим. А условия и цену изнурительного труда Федот Степанович знал не понаслышке.

Пестриков же в конторе прииска слыл «своим» человеком. Приисковое начальство вроде как опекало его, отчего и избегал весьма тяжёлых работ. Он не бил каждодневно руки об целики кайлой и не катал тачку с породой. Приставлен был больше к бутаре, где вместе с другими мужиками шевелил скребком породу под струёй воды, занимался съёмкой золота с бутар. Либо поручали промывку извлекаемой из разведочных шурфов породы лотком. Роман знал жизнь рабочих изнутри, был в курсе настроений проживавших в казармах. Если кто костерил непристойно власти, высказывался с недовольством о начальстве или подстрекал к забастовке, Пестриков, прячась сторонних глаз, заходил в контору и сообщал о том, о чём наслышан, кто чего затевает. А если кто и замечал Пестрикова у конторы, это не вызывало ни у кого подозрений, поскольку многие рабочие заходили иногда сюда с какой-либо просьбой или по вызову. Пестриков за свою «подпольную услугу» получал небольшие

премиальные и кое-какие снисхождения. Иногда ему это дело было противным. Работая плечом к плечу с горняками, он же их и «закладывал». Но характер перебарывал его. Имея страсть к деньгам, заискивал с начальством, желал выжить, во что бы то ни стало стремился скопить средства и выехать с промыслов.

Но так всё складывалось, деньги не больно-то как хотелось, скапливались, что приводило Пестрикова иногда в отчаяние. Подсчитывал свои сбережения и понимал: «На выезд хватит, на первые дни, а как же быть с безбедным проживанием на родине? Это всё одно, что, вернувшись в село, начать жизнь сызнова в бедности, к тому ж и здоровье стало пошаливать от жизни такой…»

«Загнусь тут, даже мало-мальским накоплением так и не воспользуюсь», – не раз так задумывался Пестриков.

Конечно, признаться о своей «профессии» доносчика внезапно появившемуся новому знакомому он не мог, уж больно непредсказуема была бы реакция столь вспыльчивого типа. «Всё, что угодно можно ожидать от Упыря, такой и зарыть может, нежели прознает», – предполагал Пестриков.

– С просьбой какой или с новостями пожаловал? – бросил Плешев, не отрываясь от бумаг и продолжая перекладывать листы и что-то помечая карандашом в раскрытой книге.

– Так зашёл, Федот Степанович.

– Проходи, в ногах правды нет, – Плешев, не отрываясь от дел, показал на стул у печки. – Чего нового народ-то гутарит?

– Да так, после последней забастовки шуршат, как мыши в вениках.

– Да уж заводил-то угомонили накрепко.

– Кое о чём, Степанович, хотел поговорить. – Пестриков пристально посмотрел на Плешева, желая угадать, как отреагирует на предстоящий разговор. – Тут один якут до меня подъезжал, настоятельно просил карту Олёкминского района помочь ему достать…

– Хм, на кой якуту карта, к тому ж такая обширная? Он и без карты всю тайгу вдоль и поперёк знает, – удивлённо вскинул брови Плешев и вопросительно посмотрел на Пестрикова.

– Так молодой якут-то, вот решил почто-то от стойбища отделиться. Говорит, мол, нужна позарез ему эта карта, разглядеть, где там подальше какие речки и урочища, да двинуть со своим семейством на новые места.

– Уж больно странный якут, но смышлёный, видать, коль в картах соображает, это ж надо, – закивал головой Плешев. – Кто ж такую карту ему даст-то?

– Вот я и пришёл с таким вопросом, если можно подмочь ему, – робея, ответил Пестриков, скрывая при этом страх: «Как бы не заподозрил его Плешев в неискренности».

– А ты подумал, что этакая карта серьёзная, это не игральная, взял колоду и отдал? То ж карта особая, кто ж даст-то её, тем паче якуту какому-то, – развёл руками Плешев. – Ты, Роман, не отвлекай меня нелепыми закорючками, лучше шагай в казарму и проспись, коль выходной имеется.

– Жалко, вот я рот-то разинул до макушки, – приподнимаясь со стула, промолвил Пестриков, демонстрируя видом своё сожаление. – Думал, если карту якуту достану, он меня в отместку соболями закидает. А это, Степанович, сам знаешь, деньги немалые, если с умом продать, иль поменять на что, шкурки-то что золото, только пушистое, знатные люди возьмут, не задумываясь, да и любую бабу приласкать можно, – поддельно хихикнул Пестриков.

– Меха, говоришь, обещал, – Плешев чуть сдвинул от себя на столе бумаги и с интересом посмотрел на Пестрикова. – А ну присядь. И много предлагал?

– Вроде как мешок цельный.

– Хм, что ж над этим можно и поразмыслить.

– Вот и я говорю, дело-то затейное. Ценный мех, а на кону супротив этого бумажка какая-то никчёмная.

– Затейное-то оно затейное, и карта такая в конторе есть одна, но тут вот днями начальство её возвратить должно в управление, ведь на учёте значится… – задумался Плешев. – Может, подсунуть аборигену абы что, а там трава не расти. Где ему догадаться?

– Ну нет, якут смышлёный, казус вылезет, со злобы возьмёт и стрельнёт по мне из кустов, а пожить ещё охота, – наотрез отверг предложение Пестриков и предложил Плешеву: – А коли карта есть, то и слепок с неё ж сотворить можно один в один, это ж дело нехитрое.

– Вроде так, дело говоришь, это можно. Только мне нужно время успеть перечертить её, пока она здесь, в конторе, чтоб без глаз посторонних сработать. Соображаешь?

– Отчего не соображаю-то. Просто чем спешнее получится, тем быстрее и товар в руках щупать будем, – с облегчением поддакнул Пестриков, осознавая, что Федот Степанович весьма заинтересовался необычной сделкой.

– Хм, чудно как-то, карта якуту нужна, – хмыкнул Плешев. – Ладно, нужна – так сделаем. Руки-то у нас, откуда надо растут.

– Только вот что, Степанович, ты для этого дела подмоги двумя лошадками, вторую для сотоварища. Один-то я не поеду, всё ж за двумя перевалами стойбище якута. Тайга всё ж, да и изюбрятины, глядишь, притараним. Надоело эту заезженную конину жрать, а говядину, сам знаешь, иной раз и с душком выдают. Это вас, конторских, по-иному кормят, а здесь хоть душу отвести.

– Ну, хватит стонать. А это решим, от таёжной свеженины начальство приисковое не откажется, так и скажу, мол, хочу отправить пару человек за диким мясом, вот и оправданье будет. А кто сотоварищ-то? Надёжный?

– Надёжней не бывает, – заверил Пестриков.

– Смотри, Роман, тут сам знаешь, каков риск.

– Всё будет как надо, уверяю, Степанович. Ну не враг же я себе и тебе тоже.

– Смотри… – ещё раз предупредительно наказал Плешев Пестрикову. – Ну ладно, ступай, а то от дел меня служебных отвлёк.

«Слава богу, поверил, значит, всё сладится. Есть чем порадовать Упыря…» – с облегчением вздохнул Пестриков, покинув контору.

– Что я гутарил: ты жох тот ещё, любому мозги затрёшь, – хлопнул рукой Упырь Пестрикова по спине, после того, как Пестриков передал свой разговор с Плешевым. – Как только карту нарисует, сразу и двинем. Тут у меня чуть лучше план образумился: не будем мы на Плешева деньги тратить.

– Как? Он же карту запросто так не отдаст, – опешил Пестриков.

– Ты, Рома, не сомлевайся, карту он нам отдаст и в лучшем виде.

– Так он сразу и сдаст нас начальству, вот и будут знать, для чего и куда мы двинули.

– И не только карту и оружие в руки молчком передаст.

– А это ещё как? Убить, что ль, задумал? – Пестриков вскинул испуганные глаза на Рябова.

– Да не пугайся ты, словно стая волков за тобой гонится. Припрём поздно вечером одинокого в конторе, чтоб окромя его никого там не было, по морде дам раз для острастки, свяжем, вот ему и алиби, что он сбоку припёка. А для властей вроде – налетели, ограбили и были таковы. Понял?

Пестриков озадачился изменением плана Упыря: «Ну, авантюрист, до чего ж коварный этот Упырь, точно упырь натуральный…»

– И ничего твой Плешев никому не скажет, он же не дурак и не враг себе. Сам подумай, как заикнётся, так его голова первая упадёт, а не твоя. На кой ему языком болтать, коль карту сам рисовал и дал беглецам, да он скорее язык проглотит, чем про карту обмолвится.

– Ну, так-то оно и так, казалось бы… – вслух начал было размышлять Пестриков.

– Только так и не иначе, – утвердительно махнул рукой Рябов, дав понять – разговор на эту тему окончен.

С нетерпимым изнеможением работали четыре дня Рябов с подельниками на горных работах. Изнурительная и монотонная тяжёлая физическая работа отнимала силы, и это усиливало желание как можно быстрее освободить себя от мучительного труда. В каждом словно заноза сидела дума: скорее бы хапнуть золота, сорваться с промыслов и выбраться из тайги, а там наслаждаться жизнью, жизнью, которая может только сниться.

Вечерами Рябов обсуждал с Брагиным, Прохоровым и Клиновым детали предстоящего дела. Вроде как всё складывалось наилучшим образом, а мелочи, возникавшие в ходе обсуждения, сразу же находили своё уточнение.

– Это хорошо, что Рома в другой казарме ноги сушит, не время нам пред ним раскрываться, кто его знает, слиняет в последний момент и укажет на нас.

– Ты, Упырь, прав, это факт, – согласился Рябой.

– Мешки под харчи и под манатки на кухне приисковой возьмём, я приметил, там и кожаные есть, – предложил Клин. – Думаю, их прихватить бы надобно под золото.

– Раз есть, прихватим сколь надо, сгодятся, – согласился Упырь. – Только лишнего из шмоток не тащить за собой, надо будет, на приисках возьмём, пока ж налегке пойдём.

– И когда же этот жук конторский бумагу нацарапает? Уж мочи нет больше ждать, чего там малевать-то, четвёртый день молчит. Может, его подтолкнуть? – с нетерпением высказался Проха.

– Торопить не надо. Рома сказал дня три, а то и больше, значит, ждать будем. Этот хмырь ведь тоже рискует, коль из-за карты на пушнину и на бабки позарился, – возразил Упырь.

Четыре дня Плешев жил в напряжении, пока работал с картой, боялся, как бы чего не заподозрило начальство. Каждый раз говорил он управляющему прииском, мол, работы много и вынужден в конторе вечеровать. Когда все уходили, доставал карту Ленских промыслов с прилегающим к ним Олёкминским районом. Усаживался за стол и приступал скрупулезно переводить изолинии сопок и огибающие их ключи и речки, тропы и все обозначенные на ней условные знаки, указывающие на болота и скалы.

На четвёртый день Плешев всё же закончил работу. Аккуратно сложил в несколько раз большой бумажный лист, что скопирован им с карты, и положил в свой письменный стол, закрыл на ключ и, откинувшись на спинку стула, блаженно вздохнул.

«Фу ты, дьявол, наконец-то. Завтра скажу Пестрикову, пусть снаряжается. Эх, задаром соболей подгоню себе да деньжат. Ой, как же сгодятся, да и долю Пестрикова заберу, ни к чему меха ему, денег немного дам – и хватит с него…»

На следующий день Пестриков уже знал, что копия карты лежит в столе у Плешева, а по стечению обстоятельств не сегодня завтра оригинал должны были отправить в управу на прииск Надеждинский. Такой ситуации были рады и Плешев, и Пестриков.

– Ну, всё, Роман, можешь хоть завтра трогать. С начальством договорённость есть, только заказ таков: исключительно мясо изюбра, в крайнем случае оленину. На счёт пушнины, чтоб ни одна живая душа не узнала, ни к чему мне это. Смотри у меня! Всё ж, если кто из надзора случайно углядит и осведомится, скажешь, мол, сообща за деньги у якутов скупили.

– А как же с лошадьми?

– На счёт лошадей Лукич распоряженье получил, подойдёшь к нему, запряжёт, когда надо. Только по своему напарнику мне скажи: кто таков, чтоб его в журнал учёта внести, да пусть не переживает, оплатим. Когда соберётесь-то?

– Да завтра с утречка и поедем, – скрывая радость, ответил Пестриков.

– Тогда сегодня поздним вечером я тебе и передам копию карты, запакованную.

– А где?

– Ну, где-где, не в казарме же, в конторе ждать тебя буду. Я как бы задержусь на службе, а ты, когда на дворе никого, попозже и подойдёшь, да стерегись постороннего глазу. Спрячешь за пазухой да смотри, чтоб ни-ни!

После позднего ужина заговорщики скопом собрались у казармы. Домысливали, обсуждали и уточняли разные мелочи.

– Что ж, вроде как всё на мази, так трогать надобно и сегодня же в ночь, – подвёл Упырь итог короткому сборищу. – Делаем, как сговорились. Всё, разбегаемся до вечера.

Нетерпёж достиг своего предела, никому уже не хотелось думать о надобности завтра рано вставать и шагать на горный участок, напрягать и мозолить руки, гнуть спину до семи потов.

Позднее время. Весь рабочий люд утихомирился в казармах, кто штопал одежду при слабом свете свечи, кто стирал бельё, кто спал, кто просто лежал на нарах и, вероятно, больше думал про свою нелёгкую судьбу.

Пятеро: Пестриков, Рябов, Брагин, Прохоров и Клинов – стояли подле казармы, курили и меж собой тихо переговаривались. Ничем себя, в общем-то, со стороны не привлекали. Рабочие иногда поздно вечером собирались в несколько человек, курили, говорили о жизни, а после молча расходились, чтоб успеть выспаться до раннего подъёма.

На улице ни единой души, все угомонились, только приисковые дворняги иногда издавали короткий лай, нарушая наступившую тишину. Сумерки сгустились. На небосводе ярче обозначились звёзды, готовые ночь напролёт сиять над рабочим посёлком и бескрайними просторами тайги. Тянул свежий ветерок, он смешивался с запахом засохшей полыни и иными травами, отчего приисковая убогость вроде как отступала, дышалось легче.

– Пора, Рома, давай иди, выкуривай своего друга, – осмотревшись вокруг, обратился Рябов к Пестрикову.

Пестриков, а за ним и остальные направились в сторону приисковой конторы, настороженно озирались, вслушивались в темноту.

Пестриков поднялся на крыльцо, подошёл к двери и постучал. За дверью послышались шаги, а вскоре и голос:

– Кто там?

– Это я, Роман.

Дверь открыли, и в контору в след друг за другом вошли все пятеро.

– А это ещё что за люди? – удивлённо глянул Плешев на вошедших с Пестриковым непрошеных гостей.

– Со мной они, – ответил Пестриков.

– Что значит с тобой? Зачем народ-то с собой привёл?! – возмутился Плешев. – А ну, долой отсель!

– Ты чего расшумелся? – оборвал Упырь Плешева и втолкнул его вовнутрь конторы. – Как тебя там, Федот Степанович? Мы к тебе по делу на огонёк зашли, а он слюну кидает, нехорошо получается. Доставай-ка, Федот, свой пакет, посмотрим, что ты там нарисовал, и не гундось, а не то зашибу, иль калекой сделаю, – пригрозил Рябой. А повернувшись к Брагину, сказал: – Рябой, крючок на дверь накинь от греха подальше.

Плешев от нежданной ситуации и реальных угроз опешил и даже потерял кратковременно дар речи. Почувствовал нутром – вошедшие весьма лихие люди и могут над ним свершить любое худое дело, а который силой втолкнул его и приказал напарнику закрыться, смотрел на него злыми глазами и явно не шутил, отчего в Плешева вселился страх. Он невольно потянулся к своему ящику стола и достал газетный конверт.

– Во-о-от… – еле слышно протянул Федот Степанович.

– Ну-ка, давай глянем, что тут у нас? – Упырь развернул пакет. – Та-а-ак, хороша бумага, да ты прямо художник именитый. Хороша, прямо как картинка.

Упырь обвёл взглядом помещение конторы.

– А где оружие-то хранится? Рассказывай, давай, оно же к документу энтому прилагается.

– Ка-ка-какое оружие, вы, вы что, с ума сошли?.. – пролепетал Плешев.

– Что ты тут шепелявишь? Вопрос не расслышал? Да мы и без тебя сообразим, что где лежит, – обозлился Упырь. – А ну, господа, вскрывай все железные ящики.

В ход пошла принесённая с собой одним из подельников небольшая фомка. В конторе находилось три металлических ящика, в одном из которых были обнаружены три воронёных нагана и несколько полных пачек и россыпью патроны к нему.

– Вот это вещь! – взяв в каждую руку по револьверу, обрадованно воскликнул Упырь и вложил их в висевшую на плече котомку, в неё же начал складывать и патроны, а третий наган передал Рябому и приказал: – Забери, пущай при тебе будет.

Во втором ящике оказались ненужные для «гостей» бумаги. В третьем ящике лежало приисковое золото. Немного, но было – несколько кожаных мешочков туго завязанные шнурком и с сургучными печатями. Взял в руки Рябов один из мешочков, как бы взвешивая, воскликнул:

– Ух ты, кое-что есть, вес имеется! – и положил на место.

– Упырь, может, прибрать золотишко-то? Всё ж мы горбатились на него, – предложил Брагин.

– Согласен, горбатились, но брать не будем, – многозначительно ответил Рябов, глядя на Плешева, и захлопнул крышку ящика. – Не за этим пришли, незачем нам эти камушки.

Упырю стоило порядком усилий с небрежностью закрыть ящик. Ведь не так просто отказаться от таких «камушков», а чтоб показать, что золото ему безразлично он и не мог поступить иначе. Хотя при виде драгоценностей Упыря внутренне затрясло, жгло острое желание прибрать к рукам, ведь вот оно, что ж не брать. Пересилил себя Упырь, не стал забирать, да и как не пересилить, коль там, через что решили продвигаться, через дальние в тайге прииски, куда больше этого богатства. А сейчас как раз тот случай, при котором можно сбить будущих преследователей с толку, оставить их один на один со своими предположениями, пусть гадают: почто сбежали труженики, куда ноги уносят беглецы, по каким тропам искать и ловить их?

Плешев смотрел на всё удивлёнными глазами и не верил тому, что сейчас происходит в конторе.

– Пестриков, как это понимать? Ты что творишь? Да за такое тюрьма пожизненная. Как ты мог? – стал возмущаться Плешев.

– Опять раскаркался, да ты я смотрю неугомонный прыщ какой-то, – с этими словами Упырь подошел к Плешеву и резко ударил кулаком по лицу. Ударил крепко, до хруста в пальцах.

Плешев упал, застонал от боли. Кровь хлынула из носу, и он стал трясущейся рукой утираться, отчего больше размазывал по лицу вытекающую жидкую плоть.

– Мужики, повяжите-ка его верёвкой, да так, чтоб не смог сам ослободиться, завтра по утрянке придёт начальство, вот и подымут бедолагу, – распорядился Упырь, а Плешеву тут же высказал: – Для тебя ж стараюсь, вишь, как раскрасил, всяк даже сомлеваться не станет, что ты нам в чём-то подмог. Боролся, мол, с грабителями, – тут Упырь зло ухмыльнулся, а у Плешева на душе стало ещё тягостнее.

Проха и Клин связали беднягу. Упырь в упор смотрел на Плешева и перед тем, как подельникам дать команду покинуть контору, пригрозил ему:

– Ты вот что, Федот, да не тот, лежи смирно и сопи до утра, не вздумай орать – звать кого на помощь. Заруби себе на носу: коль языком кому сболтнёшь, по каким местам шагать мы собрались, – ты не жилец. Да и соображай, прознает

твоё начальство про бумагу тобой рисованную, – Упырь приложил руку к груди за пазухой, куда положил пакет с картой, – головы тебе и без нас не снести, так что моли Бога, чтоб мы удачно до дому до хаты добрались.

Выходил Упырь последним, присел на корточки перед Плешевым, вставил ему в рот кляп из тряпки и зло сплюнул на пол.

– Так верней будет, чтоб голос не подал. – И сквозь зубы настоятельно посоветовал: – Начальству доложишь, как дознаваться будут, мол, меж собой мы базарили, хотим идти по Витиму, минуя Бодайбо окольными путями. Понял? – Плешев мотнул головой в знак согласия. – Да не перепутай, Федот, а то и впрямь не тот будешь.

«Столько золота, а Упырь не пожелал брать его, но оно же вот, бери, так нет, вот же упёртый: “не за этим пришли”. Оно конечно, Упырь прав, пущай начальство думает, что золото им ни к чему, просто сбежали с прииска на волю – и всё, а оружие прихватили, тоже знамо – как без него в тайге. А золотишко-то мы возьмём на приисках, ничто теперь не помеха…» – размышлял про себя Брагин, успокаивая себя. Так думали и компаньоны.

Все покинули помещение, оставив Плешева. Двери конторы закрыли на засов и навесили замок. Ключ Упырь чуток повертел в руках и, не раздумывая, бросил в сторону.

– Ну, братва, как по уговору: Проха и Клин на кухню, да загляните в ледник, мясного чего прихватите, а кто на кухне будет, свяжите, да надёжнее, чтоб до утра не выползли, – шёпотом распорядился Упырь. – А мы двинем на конюшню до Лукича.

Дед Лукич – рабочий приискового конного двора, точнее сказать, назначенец для надлежащего его содержания. Трудился в этой должности с основания прииска, а потому уход за конями и ремонт конюшенного оснащения издавна знакомое и подручное для него дело. Исполнял свою работу каждодневно и на совесть, оттого и не имел от начальства нареканий.

Лукич в это время уже лежал на своём топчане и спал, изредка издавал чуть слышный храп и негромкое надрывное сопение.

Когда постучали в дверь его каморки, что при конюшне, он проснулся, недовольно заворчал, свесил ноги с топчана, обулся в кожаные чуни, неспешно подошёл к двери.

– Ну, кого там занесло?

– Открывай, свои.

Лукич снял крючок и открыл дверь.

– Ты что, дед, не узнаёшь? – спросил Пестриков. – Это ж я.

– Да гляжу, что ты. А почто ж ночью-то, чего надо?

– Запрягай, Лукич, бегом пять лошадей с сёдлами.

– Чего бегом-то, чего ночью, что за пожар-то? – Лукич развёл руки в стороны.

– Дед, тебе начальство указ давало седлать лошадей, вот и седлай, – в разговор вступил Упырь.

– Так сказано было двух, а пятерых требуете, да в ночь…

– Некогда, дед, нам начальство указанье своё сменило, вот мы и исполняем, – перебил Упырь.

– Ну, сменило так сменило, – недовольно согласился Лукич. – Только уж подмогите мне, пятерых-то лошадок один я вам вмиг не справлю.

– Поможем, отчего ж не помочь, ты только быстрее открывай своих саврасок да покажи, где добрая сбруя висит, – заторопил деда Пестриков.

– Сбруя вся добрая, – буркнул Лукич.

– Кони-то как? – поинтересовался Упырь.

– Вроде малёк отдохнувшие, с вечера кормлёные, что не доели, так в дороге травы полно, не зима ещё на дворе, – проворчал Лукич и пошёл открывать стойла.

Трое всадников во главе с Рябовым и две лошади без наездников подъехали к кухне.

Проха и Клин через кухонное решётчатое окно заметили на конях напарников. Не мешкая, вынесли на улицу несколько набитых мешков, прикрыли за собой дверь.

– Всё, грузимся, бояре, и тихим шагом на дорогу. Внутри был кто? – спросил Упырь.

– Ни души, так что и вязать-то никого не пришлось, – ответил Прохоров, волоча к лошадям два увесистых куля.

Мешки с продуктами и одеждой беглецы быстро погрузили на коней, обвязали бечевой и вскочили в сёдла.

В сумерках выехали на дорогу пятеро всадников и направились в верховье долины Бодайбинки. Позади выехавших людей в ночь остался прииск Мариинский со своими казармами, горными работами, изнурительными работами и тоскливым будущим.

Всадники вдыхали полной грудью ночной лесной воздух, теперь их занимали иные мысли. Какое же блаженство быть свободным, не зависеть ни от кого, не надо нюхать затхлый воздух казармы, спозаранку натягивать робу и понуро шагать на работу, целыми днями бить руки об породу, грузить её и перетаскивать, не надо слышать понуканий и наказаний, возвращаться с горных работ измождёнными и голодными, всё это позади.

– Тишь кругом, а как дышится, а воздух-то какой! Ну, прямо, как молоко пьёшь, – высказался Прохоров.

– Ты, Проха, словно писака, расчувствовался, через перевал перекатим, глядишь и стихами забарабанишь, – рассмеялся Брагин.

– А что, вот вернусь домой, можа, и начну стихи писать, а можа поэта найму какого, пусть мне байки читает на ночь, денег-то, думаю, у меня будет как у рыбки золотой, – покачиваясь на седле, мечтательно заулыбался Прохоров.

– Сначала надо заводь добрую найти, а уж потом золотую рыбёшку дёргать, – поправил разговор Упырь.

– Упырь, ну мы ж не лыком шиты, надёргаем, чего там, – ответил Рябой.

– Ежели мозгами будем шевелить, да всё с оглядками кумекать, то да, а пока пустое болтаем, – сухо бросил Упырь.

Упыря донимали другие размышления: «Что там впереди, как всё сложится? Конечно, буду действовать на приисках жёстко и решительно, не церемониться с захватом золота, иначе можно попасть впросак, а этого никак, ни при каких обстоятельствах не допустимо, да и мужикам спуску нельзя давать…»

Безветрие, абсолютный штиль, деревья во тьме словно дремали, выказывая свои лишь очертания. Небо было облачным, отчего ночные сумерки виделись густыми, более плотными. Но, несмотря на это, чувствовалось – пройдёт менее часа, и начнут пробиваться первые лучики рассвета, пока же лесные птахи молчали и не тревожили окружающую тишину.

– Чур! Что это там? – неожиданно воскликнул Пестриков и показал рукой в низину долины.

– Где? – насторожился Упырь.

– Да вон же, смотри, огонёк какой-то чуть мерцает по ту сторону, что в долине.

Упырь напряжённо всматривался вдаль.

– Не вижу, Рома, тебе не померещилось?

– Мне вообще никогда ничего не мерещится, – обиженно ответил Пестриков. – Вон опять, смотри!

– А вот теперича заметил, ну и глазастый ж ты, Рома.

Все внутренне напряглись, гадали: кто же это может быть?

Пестриков нарушил молчание:

– Здесь никакого зимовья нет, это факт. Либо охотники, какие на привале или старатели-тихушники костёр малой развели, больше некому. А костёр-то, судя по слабости, видать, уж затухает.

Упырь раздумывал: «Проехать мимо надобно, к чему встреча с людьми, которые их наверняка не заметили. Или проверить? Если охотники, то ружья их непременно забрать, пригодятся, а заодно и точно изведать – заметили или нет, а узрели, так и порешить придётся, ни к чему нам ранние докладчики». Последний довод пересилил, и Упырь предложил:

– Проверить бы надо, иначе кто их знает, может, нас засекли, да и ружья, если есть у них, то перехватим.

Всадники свернули с дороги и медленно двинулись в сторону обнаруженного иногда внезапно появлявшегося и так же внезапно исчезавшего проблеска дальнего огонька и еле-еле приметного дыма.

Упырь и Рябой держали в руках наганы, с готовностью в любой момент воспользоваться ими.

Продвигаясь медленно и тихо, всадники, наконец, приблизились к месту, где предположительно и уже недалече мог находиться чей-то привал.

Неожиданно услышали тихое лошадиное ржание, доносившееся из дальних зарослей. Тут же прозвучал голос, успокаивавший лошадей.

«Люди с лошадьми! Сколько же их?» – напрягся Упырь и тихо прошипел:

– Всем стоять. Рябой, слезаем с коней и в подкрад.

Упырь и Рябой оставили лошадей и по-кошачьи стали продвигаться к неизвестным. Они подкрались настолько, что стали слышать голоса людей. Понесло едва уловимым дымком. Упырь с Рябым затаились, прислушались и раздумывали: кто же здесь устроил привал?

Под крупной елью сидели два человека у затухающего костра. Над углями на прутьях из очищенных веток томилось что-то неразличимое. Они смотрели на мерцающие угольки и вполголоса говорили, курили цигарку на двоих.

– Что-то лошади встревожены, не носит ли кого рядом? – сказал один.

– Да кто в такую пору в лесу околачиваться-то будет, – ответил второй.

– Может, медведь шастает?

– Кто знает, может, и медведь, хотя, что ему ныне сытому к людям приставать, если что, винтовкой угомоним, но шуметь-то не след.

– Что шуметь нельзя, то так, иначе и обнаружиться можем, на пятки лягут, так возвернут в каземат, а там нам просвету уже никак не будет.

– Нет, в тюрьму, брат, у нас возврата нет, ни к чему нам параша с нарами, тем паче ещё одну душу на грех взяли.

– Скорей бы за перевал, да зимовье какое обшарить аль якутов встретить, жрать охота, аж кишки к спине залипают.

– Доберёмся тихой сапой ночными переходами, что-нибудь дорогой и добудем, с голоду не помрём и до Лены дойдём, а там поминай нас, тайга большая и мясо добудем, жри, не хочу, так что выживем.

– Ты, Лёшка, не сомлевайся, главное не робеть. А коль повезёт, каких старателей-одиночек встретить, так золотце, глядишь, к рукам приберём. Винтовка-то на что? А с богатством уж и шагать веселей, прикинь.

– Насчёт золота, Гриша, было б хорошо. Да и что б до зимы отсель вырваться.

– Вырвемся, Лёшка, отчего не вырвемся-то, – утвердительно ответил тот, кого собеседник назвал Гришей. – Если что и перезимуем в глухомани где, тем временем всё утихнет, подумают, что мы сгинули, искать не станут. Давай-ка докуриваем, грибками зажуём, да трогаем, надо б до рассвета перевал перемахнуть.

Григорий и Алексей – два родных брата, арестанты бодайбинской городской тюрьмы, сбежали как три дня назад и продвигались в сторону речек Жуи, Чары и Олёкмы, чтобы выйти к берегам Лены, а там раствориться, оставив далеко позади своих преследователей.

Продвигались ночами с особой осторожностью, дабы не выдать себя. При бегстве ничего съестного с собой прихватить было неоткуда, питались в лесу грибами, ягодами и стланиковым орехом. На пути встречались дичь и мелкий зверь, но не стреляли, боялись обнаружиться. По десяток лет присуждено обоим – срок порядочный, без свободы, можно сказать все молодые годы так и останутся за серыми казёнными стенами. Не могли братья свыкнуться с тюремным режимом и его укладом, не хотелось терпеть подневольного и дармового тяжёлого труда на горных работах. А горб гнули наряду с другими арестантами на ближайшем к городу Бодайбо прииске Скалистом. На прииск осужденных вывозили попеременно и работали под контролем. Мысли совершить побег донимали молодые головы. Но куда там, если всюду под охраной и под неусыпным присмотром.

Но случай представился. И братья им воспользовались, не раздумывая, молча, хладнокровно, будто давно этого момента ждали. Вышло как-то само по себе – помогли обстоятельства.

Подводой, запряжённой двумя лошадьми, вернули в тюрьму двух заболевших на горных работах заключённых. И этой же подводой нужно было отправить на прииск им замену. Вот и пал выбор на двух братьев, несмотря на то, что отработали свои дни в прошлый заезд.

Где-то на полпути к прииску сопровождавший их охранник остановил лошадей и слез – приспичило нужду справить малую. Братья переглянулись. Гришка приметил на обочине камень размером в два кулака. Стремглав, словно пантера,

он подхватил этот камень и со всего маху приложился им к голове охранника. А тот закатил глаза и замертво полуоборотом свалился на землю, винтовку же, что висела на плече служивого, Гришка успел перехватить, не дал оружию упасть на землю.

Братья отстегнули с убитого ремень с патронами, сняли шинельку, погрузили тело на телегу и отогнали подводу с дороги, а уже в зарослях распрягли коней. Телегу бросили и двинули на лошадях по гольцам в верховье речки Бодайбинки тихо, скрытно, минуя прииски.

– Слыхал, каковы славяне? – шёпотом спросил Упырь.

– Слыхал, как не слыхал, – так же шёпотом ответил Рябой, старясь ничем не обнаружить себя.

– Ну и каки предлоги будут, положить их здесь иль как? Ведь их уж не первый день рыщут, наверняк и охрана-то на ушах вся стоит, а пути-то наши с их погонщиками могут перехлестнуться. Не накличем на себя погоню, что за ними увязалась?

– Упырь, всё ж идут они в одну сторону, глядишь, семерым-то веселее на прииски набегать, – оживился Рябой. – Кони есть, винтарь есть, по нутру наши, что ж их гнобить-то.

Упырь думал меньше минуты и ответил:

– Раз их до сей поры не обнаружили, значит, идут скрытно. Давай по-тихому скрутим эту братву, а там с ними и побалагурим.

Когда Упырь и Рябой внезапно выросли из темноты пред двумя беглыми арестантами, оба брата опешили. А эта секундная заминка позволила Упырю схватить их винтовку. Оторопели беглецы.

– Ну что, братья-акробатья, далеко ноги тянем? – спросил Упырь.

– Да мы охотники… местные… вот решили привал устроить, – опомнившись, ответил один из братьев. – А вы кто? – в голосе Григория смешались нотки

страха, сожаления и отчаяния.

– Ты чего гонишь, какие вы охотники, оба в тюремной робе. Не ссыте, почти свои будем, – успокоил братьев Упырь. – Вот только узнать надобно, почто слиняли, да кто вас вразумил путём идти этаким?

Что Гришка, что Лёшка поняли – пред ними не преследователи, а такие же, как и они, беглецы, но только не из тюрьмы, а вероятно, с приисков сбежали с какими-либо грехами или с украденным золотом. Братья слышали, что такое случалось на приисках: кого ловили, забирали у них золото и сразу увольняли, а иных как рабов держали на горных работах без заработка.

– Вот тебя как звать? – Упырь ткнул наганом парня, с которым начался разговор.

– Гришкой, а это мой брат Лёшка.

– А что так два брата и в одну тюрягу?

– Так вместе по одному делу, вот и определили.

– А чего завернули такое?

– Богатея одного грабанули, но так вышло, убили по нечаянности…

– У-у, так уж и нечаянно. Так вам сидеть и сидеть, а вы решили срок скостить, – одобрительно кивнул Упырь. – Ладно, корефаны, поехали с нами, мы тут уж чуток услышали, о чём вы меж собой базарили.

– А что ж к Витиму не рванули, а понесло вас в обратную сторону? – поинтересовался Рябой.

– Надоумил нас один острожник по годам старый, хотел сам бежать, но раздумал, не выдержу, говорит, дороги. Рассказал, как можно из этих мест выбраться, запутав полицию. Вот если б пошли к Витиму, нас давно б поймали. А тут у них даже нет мыслей, что мы пойдём длинным, но верным путём, старик даже нам начертанную бумагу передал. Нате, говорит, для себя хоронил да вам передаю, может, случай представится. Вот и представился, как нельзя

подходящий, сбежали, – пояснил Григорий.

– Только вот какая оказия вышла: при побеге охранника хлопнули, так что нам туда возврата тем паче нет, – добавил Алексей.

– Хм, резвости-то, смотрю, у вас хоть отбавляй, а на вид вроде скромняги, – подметил Упырь.

Упырь и Рябой возвратились с братьями-беглецами. Появившиеся двое незнакомцев вызвали у Прохорова, Пестрикова и Клинова удивление, стали разглядывать их лица и первым, кто захотел удовлетворить своё любопытство, стал Пестриков.

– Чьи будете? – спросил Роман.

– Да вот, родственнички из тюряги, сами себя ослободили, с нами поедут, так что с пополнением, – чуть шутливо в голосе за братьев ответил Упырь и уже серьёзно объявил: – Таковые нам сгодятся.

Пестриков с недоверием глянул на парней – люди чужие, незнакомые, к тому ж беглые.

Семеро всадников подъехали к перевалу на рассвете. Проснувшиеся птахи весело защебетали в округе, наполняя своими звуками только что нарождающийся новый день. Утро предвещало быть спокойным, без осадков. Облака ползли пузатые, но светлые и без признаков дождевой мокроты. Кругом на многие вёрсты ни души. Позади далеко остался прииск Мариинский, а впереди Вачинские и Ныгринские прииски, до которых ещё ехать да ехать. Редкие подводы проезжали здешние места из-за их отдалённости. Проезжали по мере надобности: вывозили добытое золото, завозили грузы, продукты, а порой и вновь наёмную рабочую силу.

Если утро Упыря с его командой застало на перевале перед озером Гераськино, то на прииске Мариинском события развивались иначе.

Начальство Мариинского промысла: управляющий прииском Буравин Степан Иванович и горный инженер Решкин Савелий Фёдорович – после раннего завтрака шли к конторе.

– Почему ж Плешев на ночлег не явился? За столом, наверное, своим уснул, – то ли в шутку, то ли всерьёз сказал Буравин.

– Он в последние дни что-то заработался.

– Накопил дел, жаловался, вот и пыхтит над ними.

– Надо бы нынче днями золото отправить, хоть и немного, но всё ж поднакопилось, к тому ж и срок вывоза подошёл, – высказался Буравин. – И по продуктам уточнить, если что недостаёт, так завезти на прииск.

– Нужда вроде как в муке лишь имеется, в обеденное время уточню на кухне, – пообещал Решкин.

Подойдя к конторе, оба сразу обратили внимание на замок, что висел на двери.

– Что такое? Почему замок? Плешева, получается, нет в конторе? – удивился Буравин.

– Выходит, нет.

– А где ж он тогда? В доме не ночевал, контора закрыта.

– Остаётся только одно: не с Лукичом ли ночью брагу разливал? – предположил Решкин.

– Ну, Плешев, ну, пройдоха, вечеровать намеревался, а сам…

– Пойду искать Плешева, да вразумлю. Неужели за старое взялся? – вслух рассудил Решкин, хотя в сказанное слабо верил.

Буравин остался у конторы, а Решкин, как младший по возрасту и чину, направился на конюшню, где и застал Лукича за привычной спозаранку работой: отправив лошадей с подводами на участки, он сидел на топчане и ремонтировал кое-какую подносившуюся сбрую. Конский запах стойко витал в помещении, но для Лукича этим дышать было обыденным, привычным.

– Дед, Плешев у тебя? – спросил Решкин.

Лукич удивлённо глянул на Решкина.

– К чему ж Плешеву у меня быть?

– Вечером или ночью к тебе он не заходил разве?

– А чегой-то ему ночью у меня делать-то?

– Интересуюсь, вдруг заходил… – вслух выразил свои мысли Решкин, недоумевая, где же теперь искать Плешева.

– Ночью до меня только Пестриков забёг со своими сотоварищами. По вашему указу пятерых коней оседлали и уехали, а Федота Степановича не было.

– Пестриков? Ночью с сотоварищами? По моему указу пять лошадей? Ты что, дед, несёшь такое, уж не выпивал ли ночью?

– Ничаво я, Савелий Фёдорович, не пил, спав я ночью, а Пестриков разбудил, заседлали пятерых коней и уехал с сотоварищами, сказываю вам.

Такая новость озадачила Решкина: «Что за чертовщина, что несёт этот старый хрыч? Да нет, вроде и не спьяна. Так что это? На Пестрикова это не похоже, ведь дали добро ему на одного сопровождающего, а почему пятеро, да ещё ночью? Ничего не понимаю…»

С такими размышлениями Решкин вернулся к конторе и стал рассказывать Буравину о произошедшем случае на конюшне. Пояснил: уехало пятеро рабочих ночью на пяти лошадях, спешно покинули прииск, но Плешева с ними не было.

– Пока ждал вас, Савелий Фёдорович, тут доложили мне: кухню приисковую ограбили ночью, вот сейчас стою и думаю: кто ж такое сотворил? А раз такое дело, то, несомненно, эти пятеро и залезли, – с уверенностью заключил Буравин. – Получается хитрый сговор, сбежал наш мясной заготовитель с ближайшими соплеменниками своими. Явно сбежали!

– Золото! – всполошился Решкин от охватившей тревоги. – Золото в кассе, Степан Иванович!

– Не думаю, Савелий Фёдорович, сам видишь: дверь-то конторы на замке. Надо только Плешева отыскать. Куда ж наш учётчик подевался?

– Уж не сбежал ли Плешев с Пестриковым? Золото прихватили, а двери на замок, – с осторожностью высказал страшную версию Решкин.

– Ну нет, отпадает, не пойдёт на это Федот Степанович, – возразил Буравин. – Не пойдёт, не такой Плешев – трусоват и пуглив больно. Нет, не пойдёт, да на кой ему это потребно.

– Что ж, замок открывать надо, а ключ свой в доме оставил, кто знал, что контора закрыта.

– Так и мой там же, так что не посчитай за труд, Савелий Фёдорович, сходи за отмычками.

Когда ключ был доставлен, замок открыли, Решкин с Буравиным вошли в контору. С порога, завидев Плешева связанного и в крови, оба обомлели. Плешев смотрел на них испуганными глазами и, завидев начальство, активно зашевелился, давая понять, чтобы его избавили от верёвок и вытащили кляп.

Решкин принялся развязывать узлы и путы.

– Это Пестриков? – спросил Буравин.

– Да-да, он с работягами, – освободившись от верёвок, пролепетал Плешев.

– Что взяли? Золото?! – Буравин бросился к железным ящикам.

– Нет, к золоту и бумагам лишь притронулись, а три нагана и патроны забрали. Спокойно работал, постучали в дверь, голос подал Пестриков, открыл, вошли гурьбой, налетели, словно ястребы. Я кинулся на одного, что за старшего из них, так он меня несколько раз по лицу, вот… – демонстрируя свою внешность, пояснил Плешев.

– Слава богу, золото на месте. А ты молодец, Федот Степанович, не оробел, дал отпор этим негодяям, иди, отлежись, какой сегодня из тебя работник, – Буравин посмотрел на пустой ящик, который опустошили бандиты. – Значит, оружие нужно им, чтоб и зверя добывать, и от зверя защищаться, – заключил Буравин. – Федот Степанович, а о чём-либо беглецы говорили меж собою?

– Говорили, вроде как имеют намерения идти окольными путями мимо Бодайбо по известным только им тропам.

– Вот же простаки. Знает полиция все эти тропы, никуда они из этой тайги не денутся, – заверил Решкин. – Либо тюрьма им неминуемая, либо погибель в тайге, тем более осень на носу да зима длинная. О чём люди думают, ума не приложу.

– Да, не погладит нас главный управляющий по голове, не погладит, и в первую очередь мне достанется. Оторвётся на мне Белозёров, ох, как оторвётся.

– Главное, золото на месте, питали бы к нему тягу разбойники, непременно б забрали, хоть это успокаивает, всё беды меньше. Если б забрали золото, Иннокентий Николаевич, с нас точно головы сорвал бы, – успокаивал Решкин себя и Буравина.

– Они так и сказали, мол, золото им ни к чему, не за этим сюда пришли, – в подтверждение слов Решкина пояснил Плешев. – Оружие им надобно.

– Стало быть, просто в бега ударились наши рабочие, с оружием-то оно веселей по тайге мотаться. Ох и гнилой народец. Сейчас же надо выяснить у надзора: кто не вышел сегодня на работу да депешу срочную в управление направить.

Плешев же раздумывал о своём: «Дуралей ты, Федот Степанович, кому доверился – Пестрикову, дезертиру этому плешивому. Мехов захотелось, клюнул

на соболей дармовых. Обвёл поганец вокруг пальца, словно младенца несмышлёного. Ну не думал же я, что этот паршивец на такое способен. С чего это он вдруг?.. Хоть бы сгинули они в тайге, а то если поймают, укажут, кто им карту чертил, ну и дуралей ты, Федот Степанович…»

Упырь с подельниками подъезжали к озеру Гераськино, как вдруг услышали шум телеги.

– А ну, братва, мотаем в густой ельник, и не базарить, – прошипел Упырь, указав на заросли.

Все направили своих коней в низину, плотно заросшую широковетвистым ельником и высоким кустарником.

Проехало две подводы, и всё затихло.

– Две повозки прошли, боле никого не слышно. Чего спозаранку разъезжают? – вслушиваясь в сторону дороги, проворчал Упырь. – Вроде тихо, трогаем.

Неведомо было Упырю, что эти повозки везли золото с приисков, располагавшихся на речках Хомолхо и Ныгри, да и как мог он предполагать этакое. А везли пудов девять под охраной из трёх человек. Не задерживались эти путники на Гераськино, только чаю наспех испили, перекинулись с содержателем зимовья парами слов и поехали далее.

Если б знал об этом Упырь, тогда б не укрывался, а поубивал охрану, забрал оружие и золото и, уже обойдя прииски, повёл бы своих друзей намеченной дорогой. Но удача такая проколесила поблизости, а те, кто проехали мимо банды, и не знали, что беда страшная обошла их стороной.

Немного прошли лошади, и всадники впереди увидели небольшие приземистые постройки лесных избёнок.

«Наконец-то Гераськино, вот оно какое. А вон, видать, и хозяин заимки», – облегчённо вздохнул Упырь, завидев зимовье.

Вот здесь мы и вернём читателя к тому, как подъехали наши герои на вершину перевала и спешились у зимовья Гераськино.

– Давно ноги-то сушат копачи-старатели? – спросил Упырь Климента, убедившись, что, окромя старика и спящих постояльцев, на зимовье больше никого нет.

– Да вот, давеча пред вами и угомонились.

– Ясное дело. – Упырь повернулся к сотоварищам: – Ну что, бояре, пожрать бы чего надо, такой перевал не грех промочить.

– Давеча отсель пред вами пара телег отъехала, служивые были, чуток посидели, чаем кишки прополоскали и поехали дале. Подводы-то, знать, встрелись? – спросил Климент.

– Встретились, дед, встретились, – ответил Упырь и направился к озеру всполоснуть лицо и руки. У берега стояла лодка, подле неё Упырь и умылся.

Среди построек на улице приметным был сколоченный из досок стол, по виду скобленный многократно; ноги, прикреплённые к столешнице, вросли в землю и выглядели обшарканными, по обе стороны стола – две лавки. Вот у этой таёжной мебели и собрались гости. Расселись. Достали из мешка хлеб, сало, репчатый лук и даже две баранки копчёной колбасы, при виде которой Климент удивился. На столе появилась и фляжка со спиртом.

– Давай, дед, кружку свою и подсаживайся, это лучше, чем топором по деревяшкам стучать, – предложил Упырь Клименту.

– Я так тебе скажу, мил человек: топором махать не будешь, так в зиму без тепла останешься. А на счёт чая, так я ужо с утречка попил, так что благодарствую.

– Садись, дед, позднее будешь благодарствовать. Только зачерпни черпаком воды из озера – спирт разбавить надобно.

Климент сходил до избушки, взял ковшик, набрал воды из озера и присел подле прибывших гостей.

Налили.

– Ну, бояре, за удачу. Давай, дед, тоже с нами за дела наши выпей, – поднял свою кружку Упырь.

– За какие дела пить-то? Мне ж они неведомы, – ответил Климент.

– О-о, дед, дела-то у нас благие, не сомлевайся!

– Раз за благое, то можно, – Климент поднёс свою кружку к кружке Упыря.

– Пошто своих людей боярами называешь-то? – жуя хлеб вприкуску с салом, поинтересовался Климент.

– Да это, дед, я так, чтоб веселее было, – расхохотался Упырь.

– А я мучусь, вроде народ простой, а бояре.

Все за столом, кроме Климента, рассмеялись.

Немного закусили, и Упырь снова всем ещё чуток налил по кружкам спирта, каждый добавил воды и снова выпили.

– Дед, а чего озеро тутошнее Гераськино называют? – поинтересовался Упырь.

Климент неспешно дожевал пищу, вытер рукавом губы и бороду и объяснил:

– До меня уж несколько годов назад вот в энтом самом озере утопили обладателя золотого запасу, то ли фамилия у него была Гераськин, то ли величали Гераськой, никто толком не ведает, а вот с тех пор название к зимовью и пристало – Гераськино.

– За что ж утопили-то? – полюбопытствовал Проха.

– Как за что? За золото.

– За золото? – удивлённо переспросил Проха.

– За него, будь оно неладно.

– Что ж ты, дед, так на золото серчаешь? – спросил Упырь, наливая всем по очередной порции спирта. – Давай ещё по третьей с устатку.

– А потому, как доброго от него пока я ничего не видал на своём веку. Горняки спины гнут на господ годами, а люди иные, кто до золота больно податлив, меж собой, когда и хуже зверя становятся. Зависть и жадность имя руководит, вот порой и кладут друг дружку до смерти.

– Ну, как же, Климент, золото это ж деньги, а деньги когда есть, то сила в тебе и власть над всеми, к тому ж завсегда разодет и в сытости, – возразил Упырь.

– Ай, по мне так эти жёлтые камушки что есть, что нет, чем дальше от них, тем душа покойней.

– Так-то оно так, но куда ж от золотья этого денешься, коль оно на этой земле повсюду, а его имея, жизнь можно красивую устроить.

– Ни к чему мне роскошь, вот есть где проживать, платят копейку какую, да харчами и одежонкой снабжают, вот и ладно, а золото – это пустое, так что балакать, только язык мозолить.

Дальше ели молча. С удовольствием каждый ублажал свою утробу и по-своему размышлял об отношении Климента к золоту, не понимая его безразличных и бесхитростных отношений к такому богатству.

Насытились плотно, всех потянуло ко сну, хотелось прямо сейчас вытянуться и ощутить каждую мышцу в покое и томлении. Но Упырь этому был противник. Он знал: расслабляться в пути непозволительно. Хоть на многие вёрсты ни души, а осторожность в таком деле не помеха.

– Мужики, спать поочерёдно. Все на боковую, а мы с Рябым дальше вздремнём.

– А чегой-то сразу не все? Места всем хватит, – удивился Климент.

– Нет, дед, мы тут уж сами разберёмся, ты только не подселяй моих орлов к отдыхающим старателям, не тревожь их, – ответил Упырь и слегка похлопал Климента по плечу.

– А что ж их тревожить-то, две зимовушки вона стоят свободные, – ответил Климент и пошёл показать, где разместиться гостям.

Минуты не прошло, а утомлённые и разморённые отменным завтраком, пятеро путников уже крепко спали в блаженстве от нахлынувшей хмельной сытости и свободы.

– Рябой, надо бы Климента в лесок направить, пусть грибков поищет, – хитро сощурившись, произнёс Упырь.

Рябой и Упырь за многие годы научились понимать друг дружку одними взглядами, жестами. Жили во взаимодоверии, во всём могли положиться в любой ситуации, чтоб не случилось. Конечно, бывали меж ними распри, но все они сглаживались какими-либо общими интересами.

– Понял, это мы мигом оформим, – Рябой вышел из-за стола и подошёл к деду. – Климент, ты побродил бы по лесу, собрал грибов в достаток, проснутся мужички, а мы уж и грибочков к столу нажарим, хороша б была закуска под спирт. Как оно?

– Это можно, грибов ноне полно. Схожу, чего ж не сходить-то, вот только туесок прихвачу.

Климент взял под навесом плетённую из берёзовой коры корзину и неспешно направился в лес. Дед скрылся из виду, и Рябой подсел к Упырю за стол для разговора.

– Значит, так: входим тихо в избушку и этих спящих копачей в момент на перо, только без шуму. Финка при тебе? – спросил Рябой.

– Куда ж она денется, всегда при мне.

– Ну и славно, пошли, пока дед меж деревьями кружит.

Тихонько приоткрыв дверь избушки, Упырь всмотрелся в спящих мужиков. Средних лет, оба худосочные и обросшие, спали одевшие, портянки и сапоги со стойким запахом пота лежали подле нар. Судя по виду, сон у обоих был крепким, один даже изрядно храпел, второй же его храп и не слышал.

– Умаялись, видать, копачи, – прошептал Упырь и вошёл в зимовье. Рябой вслед за ним и тихо прикрыл дверь. – Ты, Рябой, бери этого, а я что с виду покрепче будет, только мигом и наверняк.

Оба бесшумно склонились над спящими, достали из голенищ ножи и резкими движениями, словно по команде, привели свой план в исполнение. При этом чтоб не вырвались случайные крики, Упырь и Рябой прикрыли крепко ладонями рты жертвам. А те уж только и успели чуть простонать, и всё стихло.

Упырь схватил котомку, что лежала под изголовьем убитого, и вывалил её содержимое на пол. Среди тряпья глухо ударился увесистый мешочек.

– Вот оно, Рябой, вот оно! Смотри у своего, наверняк и там должно быть золотишко.

К сожалению, в мешке второго убитого золота не оказалось.

– Значит, это у них общаг, у одного хоронился, – заключил Упырь. – Ладно, на первой и этого хватит, – Упырь подбросил в руки Рябому мешочек. – Держи да уговор: это доля только наша, так что спрячь к себе ближе, и ни звуку мужикам.

Вещи, вываленные из мешков, спешно сложили обратно.

– Рябой, быстро стаскиваем копачей с мешками к озеру. В лодку грузим обоих со шмотками, по камню кажному и пущай дно мерют.

Упырь выгреб одним веслом на середину озера. Перегруженная посудина держалась на воде неуверенно, норовила перевернуться, отчего Упырь и Рябой

двигались осторожно, не суетились, подсказывали друг дружке, как ловчее управиться. Вместе: один – за плечи, другой – за ноги; сначала одного, за ним второго, перевалили бездыханные тела через борт. Трупы быстро исчезали в тёмной глубокой воде, оставляя на поверхности озера воздушные пузыри, которые поднимались из глубины, но они тут же исчезали, а через минуту-две содеянное и вовсе не стало подавать каких-либо признаков.

– Гребём к берегу, надо в зимовушке порядок навести.

Лодка уткнулась в берег и вновь испечённые обладатели золота, принадлежавшего несколькими минутами назад копачам-старателям, вошли в зимовье, где свершили своё злодеяние.

Проверили: ничего ли не осталось, что напоминало бы об исчезнувших людях.

– Вроде порядок, – оценил Упырь.

– Что деду-то скажем?

– Что скажем? А то и скажем, мол, пока ходил ты, дед, твои старатели что-то скоро собрались и подались со своими котомками.

– Ну, вроде как складно, – согласился Рябой.

Вернулся Климент.

Упырь и Рябой сидели за столом и чай пили.

Без торопливости с чуть заметной одышкой старик подошёл и на стол поставил корзину полную грибов.

– Примайте заказ, свежие грибочки, как роса.

– Ну, ты, дед, молодец, прямо, как серпом накосил.

– Я ж сказывал: грибов ноне полно, что ж не косить-то, коль есть они. Бывает ночами и прохладно ужо, однако грибочки-то нет-нет, да лезут.

– Климент, а твои двое постояльцев что-то так резво встали, собрались и пошли со своими котомками, странные какие-то. Я вразумлял их: хоть с дедом-то попрощевайтесь, да нет, говорят, спешим больно, – стараясь выразить безразличие, сказал Упырь.

– Чужих людей увидали, вот и шугаются, – особо не обращая внимания на новость, ответил Климент. За столь многие лета он здесь насмотрелся разного люду, а посему внезапный уход копачей не стал ему в диковину.

– Попотел чуток, сполоснусь водицей у бережка, а уж вслед за тем и грибки почистим, – промолвил Климент и направился к озеру.

Старик сложенными ладонями горстями хватал воду и заносил её то за шею, то бросал на грудь, отчего вода растекалась по всей спине и груди, придавая свежесть и бодрость телу, кряхтел от удовольствия.

– Вы там можа баньку желаете, то затопляйте! – крикнул с берега Климент. – В печке всё готово, только спичку сунь.

– А что, Рябой, ты ж хотел напариться.

– У-у, как можно пропустить такое, сей момент! – воскликнул Рябой и направился в сторону бани, при этом вытащил из кармана штанов коробок со спичками, поднёс его к уху и потряс.

Климент, обтирая тело тряпкой, служившей ему полотенцем, прошёлся до лодки.

«Что-то вроде не так, почто лодка-то не в том месте приткнута? Я ж её давеча не тут причаливал, как сместилась-то? Знать эти двое её трогали…» – недоумевал он.

Климент по своим годам был прозорлив, заметил перемену сразу, поскольку постоянство его вещей было здесь нарушено. Заглянул в лодку, на дне вдруг

обнаружил небольшое бордовое пятно, свежее.

Климент смахнул пальцем пятно. «Кровь! Отколь?» Нехорошее предчувствие охватило старика: «Что-то тут недоброе, да и на песке следы больно странные. Отколь кровь?.. Не иначе убили! Точно убили бедолаг и утопили в озере. Злыдни! Как таких извергов земля держит? Ни Бога, ни людей не боятся! Ведь грех-то какой! Да как же такое можно-то?..»

И повидал, и наслышан был Климент о множестве случаев с убийствами старателей, особо копачей-одиночек, разборок меж людьми разными на почве золота, а потому и вкрались мысли Клименту: «Значит, солгали мне, что копачи покинули зимовье. Утопили они их, ведь утопили горемык этих. А сидят же за столом и чай пьют вприкуску с грехами. Это надо же изверги какие, да ещё и виду не дают. Сколько ж из-за золота этого народу в этой тайге головы сложили? Золото, золото, одно на уме у таких иродов только золото. Будь он неладен этот золотой металл, какой ж он благородный, коль по такой жизни презренным видится. Что ж делать-то? Что?.. Нет, так оставлять нельзя, надо сей народ будить, да сказывать: нехорошие эти двое, это ж убийцы, нелюди…»

Климент вернулся с озера и сразу направился к избушке, в которой спали гости.

– Э-э, ты куда, дед, постой, мужиков разбудишь! – окликнул Упырь Климента.

– Так это, надо их до бани будить, пусть с дороги-то выпарятся.

– Успеют, не тревожься, ты лучше грибки почисти, вот это дело.

Климент нехотя отошёл от избушки, руки, словно некуда было деть. То он их засовывал в карманы широких штанин, то вынимал оттуда, потирал ладони, то совал снова в карманы, нервничал.

Упырь своим намётанным глазом понял – дед что-то заподозрил, как-то по-особому суетится и взгляд не такой, как давеча. «Неужели на берегу или в лодке что приметил? Вот старый сыч. Что ж делать-то с ним? А что делать, вслед за этими старателями отправить и всё! Чтоб и бояре мои спящие ничего не видели и не ведали. Кто кинется этих копачей-одиночек искать, коли они сами по себе, а содержатель, ну мало ли, пошёл в лес, на медведя напоролся, задрал деда…»

– Рябой, подь сюда.

– Чего там? – Рябой подошёл и присел к столу, бросил взгляд на Климента, и от него тоже не скрылась перемена старика, стоявшего у чурки с топором и косо смотревшего в их сторону, при этом он о чём-то недовольно бурчал. – Печурка, словно паровоз гудит, ух и жару даёт!

– Погодь ты с этой баней. Секу я, дед, видать, прознал, и прознал верняк, выход один… – нервно прошипел Упырь.

– Что тут гадать, вслед за этими, тюк – и туда, – Рябой кивнул в сторону озера.

– Вот и я про то толкую, пока наши конюхи дрыхнут.

Климент не мог предположить, что эти двое преступников сейчас подойдут к нему, бесцеремонно и неожиданно ударят его обухом топора по голове. Но это произошло хладнокровно и безжалостно.

Тело Климента друзья с лодки скинули в Гераськино. Старик ушёл на дно озера, у которого жил он долгие годы, в котором ловил рыбу, брал воду, и вот в последний раз, буквально минут несколько назад, из этого озера Климент плескал на себя её чистоту и живительную свежесть. За что покинул грешную землю, ушёл из жизни добрый души человек? За чувства, которые не смог скрыть, осмысливая преступное нутро злых людей, или за презренный металл, что обрели убийцы, столь гостеприимно принятые им?

На этот раз Упырь и Климент все следы замели с особой тщательностью. Утопили даже часть верхней одежды Климента и его ружьишко, что висело в зимовье, дабы основательно подтвердить надуманную ими легенду перед подельниками об отсутствии содержателя зимовья и старателей.

– Кажись, всё чисто, – Рябой окинул взглядом территорию заимки: нет ли чего подозрительного, и направился к озеру очистить песком и отмыть свою финку. – А ведь банька-то уж совсем готова, не остыла бы.

– Ну, раз каменка нагрета, то в саму пору и грехи смыть, – ответил Упырь, при этом обеими руками хлопнул себя по груди. – Только париться поочерёдно, хоть

и глушь, а всё ж не ровен час, кто и проезжать может, глядеть в оба надобно.

– А может, пора будить мужиков? Вот и пусть догляд делают.

– Рано, баню вдвоём скоро справим, вот и разбудим. Ты нашу заначку-то, как надо определил?

– А то! В мешок на само дно, да закрутил куском тряпки натуго. Скажу тебе, Упырь, фунта на два, два с половиной тянет.

– Смотри, глаз не спускай, и чтоб никто из них не прозрел, этот куш наш.

Парились Упырь и Рябой спешно, но хлестались вениками, не жалея себя, уж особо тело просило. Воды хватало – озеро рядом, таскай, не ленись.

– Всё, хватит, Рябой, заканчиваем, время поджимает, давай-ка буди господ наших.

Пестриков, Проха, Клин и два брата, Гришка и Лёшка, отойдя ото сна, вышли наружу из зимовья. Кто потягивался, кто приседал кряхтя.

– Хватит, господа, дрыхать, чай сгоняем и айда, – тоном, не принимающим возражений, бросил Упырь.

– А может баньку, а? – взмолился Пестриков.

– Какая банька, канать отсюда надо, нагрянет кто, вот и будешь ты с голым задом на коне скакать, – отрезал Упырь.

– А где дед-то?

– Да окромя нас здесь никого нет, всех вы проспали, – безразличным тоном ответил Упырь.

– Куда ж подевались? – удивился Пестриков.

– Дед взял ружьё, ушёл в лес, можа, дичь, можа, зайца, сказал, добуду; старатели же пробудились, даже чай не хлебавши, подались отсель, – невозмутимо пояснил Упырь. – Да и каково нам до них, своих забот выше горловины.

– И то верно, что про ни них думу думать, трогать надо, – согласился Пестриков, но тут же встревожился: – Только б копачи не взболтнули кому про нас.

– Не взболтнут, мы с Рябым прямо в лоб так и пригрозили имя: если узнает кто про нас, животы вам порвём, да кишки вокруг шеи обмотаем. Так оба сразу открестились: свят, свят, никого не видели, сохрани нас Господь.

После Гераськино пятеро всадников, выспавшиеся и сытые, ехали на своих лошадях бодро, иногда меж собой переговаривались. Чего не скажешь про Упыря и Рябого. Их обоих клонило ко сну, и они то одновременно, то попеременно клонили головы, но тут же встряхивались, отгоняя дремоту.

– Терпи, Рябой, отдых наш с тобой впереди, дойдём до ближайшего пристанища и храпнём достойно.

– И так еду, сам с собой куражусь, а очи всё одно сами по себе закрываются.

– А ты про меж ресниц палочки вставь, вот и не будут закрываться, – рассмеялся ехавший впереди Рябого Клин.

Все расхохотались.

– Чего ржёте, как кони! Меньше языками чешите, больше поодаль зырьте, говорок-то далеко по тайге разносится, соображайте, – оборвал Упырь.

Все примолкли. На самом деле, почто расслабляться-то, не время.

Дальше ехали долго, почти молча. Редкий случай лишь перекидывались словом, фразой по делу, особо, когда в обход проезжали прииски Ивановский и Серафимовский, располагавшиеся в долине речки Вача. Сюда наведаться не думали, все надежды устремляли на иные прииски, богатые.

Продвигались лесом, сторонились таёжной дороги, чтоб не встретился кто. Вскоре перешли вброд речку Угахан. Решили переночевать, а с утра пораньше двинуть дальше. К счастью, в урочище обнаружили пустое зимовье. Было заметно – в этом глухом месте его навещали давно.

– По всей вероятности, охотничья избушка зимой используется, когда пушнину заготовляют и дикое мясо, – предположил Пестриков.

– На дворе не зима, вряд ли кто сюда в этакую глухомань забредёт, а значит, заваливаемся, – решил Упырь.

Однако хозяин таёжной избушки был рядом. Местный охотник Егор Тарасов, ещё издали почуяв приближение группы людей, насторожился и, укрывшись в зарослях, наблюдал за приближением незнакомцев.

«Что ж за ездовые? Почему свернули с дороги и направили коней в глушь? Ведь дорогой можно успеть к полуночи достичь ближайшего прииска. Знать, хоронятся от кого-то…» – рассуждал охотник.

И надо б было Егору Тарасову уносить отсюда свои ноги, да кто знал, что судьба сведёт его с недобрыми людишками.

Егор, поправив на плече дробовик, вышел из укрытия и приблизился к группе всадников.

– Здравствуйте, будем! – громко выразил он своё приветствие.

Все вздрогнули, услышав за спинами чужой и неожиданный голос. Обернулись и увидели незнакомца.

– Фу ты, дьявол, словно с небес свалился, – первым опомнился Упырь. – Будем здоровыми. А ты кто есть?

– Охотник я. Ноне дошёл путики поправить да избушку кое-где подшаманить. Звать Егором, а проживаю в посёлке прииска Мининского, это выше по руслу. Семьи нет, так что где б ни оказался, весь тут – живу сам по себе.

– И золото, поди, моешь? – спросил Рябой.

– Нет, этаким ремеслом не занимаюсь, больно хлопотное дело. Наработался на прииске ужо, будь он неладен. Охотой живу. Что добуду, торгую, на хлебушек хватает, и слава богу.

– Прииск богатый? – сощурив глаза, осведомился Упырь.

– Не особо, но золото в породе есть, моют мало-помалу. Заработки вот только скудные и работа день ото дня не легче.

– Знамо нам порядки приисковые, – махнул рукой Рябой. – Вот они где, – Рябой провёл по горлу у подбородка.

– Стало быть, сбежали.

– Сбёгли, мать их ети. Хотим на дальних приисках счастье изведать, – встрял Клин.

– Оно нигде не лучше, всё едино, – вздохнул Егор, не особо поверив в искренность путников. «Явно намерения иные, явно…»

– Хватит, мужики, лясы точить, скоро стемнеет, – оборвал Упырь разговор.

Прежде чем заняться промыслом зверя и пушнины, Егор несколько лет отработал на прииске. Горняцкий труд отчасти здоровье подкосил – труд тяжкий и изнурительный, непомерный на выработку, низкая оплата и надуманные штрафы вынудили бросить работу. Уволили власти, не выплатив ни копейки, чему он и не удивился. Решил так: семьи нет, а прокормить самого себя и так сможет. А то ведь ненароком на шахте и земле ранее времени предаться можно. Сколько же на его глазах рабочих ушли в мир иной, и никто об них не пёкся, и вспоминать не хочет. Вот и занялся делом, которому когда-то отец учил – ставить силки, капканы, скрадывать зверя, шкуры выделывать.

Нехорошее предчувствие прильнуло к Егору – не к душе виделся ему вид забредших, как-то настороженно смотрели и внутреннее недовольство у каждого на лице выказывалось. «Уж не беглые ли? Двое молодых-то с

тюремными одежонками, остальные вроде как иные. Прямо и не сказать, будто из разного стада. Ладно, посмотрим чего сказывать ещё будут, может, и напраслину на них гоню».

– Чего напрягся? – Упырь хлопнул по плечу Егора. – Изба нам твоя приглянулась, вот и решили отночевать. Иль против, не пустишь?

– Гостям всегда рад. Откуда едете и до которых приисков путь держите?

– Ох, Егор, долго рассказывать. Давай с дороги лучше уважь нас, дай расположиться, унять усталь, от седла зад так надрал, словно кто наждаком по нему прошёлся.

– Такое только с непривычки, видать, не часто с лошадьми управляешься.

– Не часто, нужда заставила, – согласился Упырь.

– Особо угостить-то вас нечем. Окромя сухарей и чуток мяса вяленого, нет более ничего. В сей день пред вами сам тут объявился. Кто знал, что в такое время и в глуши людей повстречаю. Но чаю сейчас сообразим. Этого у меня в запасе завсегда имеется.

– Ну а мы к чайку и поесть чего достанем, вот и отужинаем.

Егор взялся разводить огонь в печурке избушки. Упырь с подельниками остались на улице. Нужно было разобраться с лошадьми – снять с них свои нехитрые пожитки, ослабить подпруги.

Упырь прошептал:

– Братва, нам таков свидетель ни к чему. Не хотелось, но избавляться от него придётся.

– Согласен, спозаранку дороги наши разойдутся, и может сигануть с докладом, к кому следует, – поддержал Рябой.

– Дела-а. И как же с ним, сейчас иль ночью? – выдавил из себя Пестриков, осознавая опасность оставить охотника живым, боясь его намерений, если у него возникнут какие сомнения относительно непрошеных гостей. «И тогда на карту ляжет туз пик», – подытожил про себя Пестриков, а вслух еле слышно промолвил:

– Уложить надо его кому-то, иначе…

«Верно балакаешь, но предлагать одно, а у самого кишка тонка – чужими руками норовишь. Душонка-ка у тебя, Рома, видать, скверней, чем представлялась. Видал, как за свою шкуру поднялся», – подумал Упырь.

Проха, Клин и братья молчали, но внутренне соглашались с высказываниями Упыря, Рябого и Пестрикова. Подвергать себя риску никому не хотелось.

Егор вышел из зимовья, в руке держал закоптелый котелок.

– Тут недалече ключик есть, пойду, воды наберу.

– Пошли вместе, компанию составлю, лицо всполосну, – предложил Упырь.

Упырь с Егором скрылись за кустами и деревьями, остальные же проводили их взглядом, зная, что с ключа вернётся только один из них – Упырь. На душе было скверно, но что поделаешь, коль каждый думал за себя.

Упырь вернулся через несколько минут. В руке нёс котелок с водой, в глаза никому не смотрел. Хмуро скомандовал:

– Перекур окончен, давай осваиваемся.

В зимовье тесно, а убранство и того бедное: маленький дощатый столик, пара широких деревянных нар, застеленных старыми и потёртыми оленьими шкурами, махонькая печурка, оконце перетянуто мочевым пузырём какого-то животного.

– Мала, но хороша изба, всё не на улице, – выразил своё мнение Проха, а сам размышлял: каким же образом Упырь убил охотника, ножом или задушил? Об

этом, наверное, думали и остальные, но молчали, а только искоса порой поглядывали на Упыря, удивляясь его хладнокровию.

Привязали лошадей, нарвали свежей травы и бросили на корм. Вещи снесли в зимовье.

На вечернем застолье появились хлеб, сало, лук и фляжка с алкоголем.

Упырь налил всем в кружки спирту.

– Чистый аль разведём? – спросил он.

– За удачу можно и чистый, – за всех ответил Рябой.

– Тагды за фарт! – произнёс короткий тост Упырь.

Выпили. Кто потянулся сразу за хлебом и поднёс к носу, втягивая в себя его запах, кто, прежде чем закусить, занюхивали рукавом и при этом от удовольствия кряхтели. Про хозяина избушки никто ни разу не обмолвился, будто человека и не было. Упырь же рассуждал: «Пусть братва свой страх в животе носит, пусть знают, на что способен Рябов. Вожжи над ними держать надобно тугие, иначе порядок в банде нарушат. Чтоб как сказал, так и было исполнено».

Насытившись, Упырь распорядился:

– Пожрём, а дремать не все разом, на стреме поочерёдно и востро смотреть, чтоб мышь слышна была.

Ночь окружила зимовье тьмой, а в ней утонули и путники со своими мыслями и надеждами.

Рябой спал, и приснился ему под утро страшный сон. Будто плывёт он в лодке по большой реке, вода в ней бурная и тёмная. И попал Рябой в сильный водоворот, крутит лодку супротив воли вёсел, перевернулась лодка. Тянет водоворот Рябого ко дну, сил уж больше нет, раз за разом с головой окунается. Якобы кто его за ноги тянет вниз и цепко, никак не может он избавиться от силы

неведомой. Вот снова его потянуло ко дну, а вода в реке стала ещё черней и противно затхлая, захлёбывается Рябой. Вдруг видит: чуть поодаль Упырь и тоже в воде барахтается и вроде как к берегу уже подгребается. Заорал Рябой, что есть духу: «Упырь, спаси! Спаси!..» Встрепенулся Рябой, проснулся, вскочил, открыл глаза, всех разбудил своим возгласом.

– Ты чего, Рябой, орёшь, как кабан раненый. От кого бежишь-то, от кого спасать-то тебя? – расхохотался Упырь.

– Уй, приснится же чушь жуткая… – придя в себя, пробормотал Рябой.

– Жрать на ночь меньше надо, – хлопнул Упырь друга по плечу.

Позавтракали и пустились в дорогу.

Через многие часы изнурительной езды, сопряжённые с постоянным вниманием и осторожностью, путники впереди увидели широкую долину слияния речек Ныгри и Вачи.

– Пожалуй, это и есть Ныгри, вот где прииски наши заветные, – вглядываясь вдаль, сказал Пестриков.

– Лучше сказать: золотьё наше заветное, – поправил Упырь.

– И куда ж мы, на Ныгринские пойдём или на Вачинские завернём?

– Стоять, бояре, давайте-ка глянем на карту.

Всадники остановились и сгрудились вокруг Упыря. Упырь из-за пазухи достал карту и аккуратно её развернул.

– Что мы тут имеем? Ближний прииск Петровский, за ним Павловский. Тут дале их целая гряда: Тихо-Задонский, Архангельский. Рождественский. Так что на Вачинские прииски заезжать, только время терять.

– Шесть приисков на Ныгрях! Да тут, братва, столько накосим, что и взаправду ни к чему нам Вача, – воскликнул Проха.

– Решено, едем через эти прииски. Кассы здешней добычи и тряхнём, раскидываю так – нагребём до краёв. И сразу чрез перевал до Хомолхо, а там, как и базарили: на Жую двинем, – подвёл итог Упырь.

Петровский прииск небольшой, но богатый по содержанию золота в породе. Две казармы, контора, конюшня, хозяйственные постройки.

К конторе подъехали семеро всадников. Двое – Упырь и Рябой – спешились. Остальные же остались в сёдлах и ждали команды.

– Пошли, Рябой, проверим, ждут нас тут аль не ждут, – кивнул Упырь своему другу и обернулся к остальным: – А вы зырьте в оба, чуть что, дайте знать.

Упырь с уверенностью распахнул дверь конторы и вместе с Рябым вошли вовнутрь. Ничем особо не отличалась эта контора прииска от конторы, что на прииске Мариинском. Схожая мебель, такие же стены, потолки. За письменным столом сидел средних лет мужчина, указательным пальцем левой руки водил по бумаге, пальцами же правой передвигал костяшки на конторских счётах.

Служащий вскинул глаза и с удивлением спросил:

– Чьи будете?..

– Ух, и вопросом ты нас нагрузил. Ты почто такой любопытный? – глядя в упор, зло перебил Упырь чиновника.

– Кто таковые, я спрашиваю?!

– Язык засунь. Высовывай, как скажу, – вспылил Упырь, при этом достал из-за пояса револьвер. – Где начальство или ты и есть начальство?

При виде оружия и угроз приискатель изменился в лице и в голосе.

– Я с-смотритель г-горных работ…

– Ты что, заика? – сверкнул глазами Упырь.

– Н-нет, п-просто так, и-испугался немного…

– Как звать-то?

– Пё-Пётр Кузьмич. Пётр Кузьмич Сомов.

– Так вот, Пётр Кузьмич, доставай золотишко приисковое из ящика, да пересыпай в мешок.

– Вы что, как можно?! Без управляющего это ж…

– Ты мне не указывай, что можно, а чего не можно, золото доставай, а не то башку снесу! – рассвирепел Упырь и приставил наган к голове, вконец напуганному Сомову.

– Н-нет у нас золота, вчерась как вы-вывезли… Во-он ящик стоит, можете убедиться. Там немного, от съёма за один день…

– А ну, Рябой, глянь.

Рябой подошёл к двум ящикам. Один был пуст, во втором лежали амбарные книги, бумаги отдельными листами и один небольшой мешочек с золотом.

– Малёхо, – разочарованно сообщил он.

– Как вывезли? Когда вывезли?! Вообще на прииске нет золота? А ты мне случаем тут вениками не машешь?! – возмущённо сыпал Упырь вопросами, а Сомов молчал и только моргал глазами, глядя на разгневавшегося бандита.

– Вот днями всё и вывезли. Вывезли и с приисков, что на речках Хомолхо и Ныгри, клянусь вам. Только не убивайте, я правду сказ-а-а-л, – взмолился Сомов и разрыдался на последнем слове.

– Вот заехали! Ну и счастье привалило! Значит, остальные прииски пустые? Да что ж за липа такая? – озлобившись, опешил Рябой.

– Братва, а я врубился! Те подводы, что мимо Гераськино прокатили, это ж наша фортуна отмазалась. Ух, вы твари приисковые, всё вывезли! – вскипел Упырь и в гневе ударил рукояткой нагана о стол.

Пётр Кузьмич вздрогнул и испуганно, не моргая, смотрел на Упыря, страх сковал его напрочь, он боялся, что этот озлобленный человек возьмёт и в порыве гнева выстрелит в него.

– А Вачинские? – зло спросил Упырь.

– Чего Вачинские?..

– С приисков, что на Вече, с них тоже золото свезли?! – рявкнул Упырь.

– Н-нет, с той стороны с полмесяца как не вывозили, должны днями спровадить.

– Ох, и подвезло ж тебе, Петя, бить не буду, а вот дырку на лбу оставить придётся, – Упырь выстрелил в голову Сомова. – Кто знает, можа, докладать кинешься.

Сомов с коротким стоном сполз на пол и замер.

– Пошли, Рябой, пока никто не объявился.

«Надо же такому случиться – подводы прошли мимо нас, а мы от них схоронились, и не могли даже подумать, что этими подводами везут золото с приисков? С какой легкостью можно было бы завладеть этим металлом. Э-эх, твою мать, ну как же так!» – сокрушался про себя Упырь.

Упырь и Рябой вышли наружу. Лица ожидавших подельников были напряжены – уж больно встревожил их выстрел. По виду Упыря и Рябого они заметили: «что-то стряслось». А когда Рябой сообщил, что с приисков, расположенных в долинах речек Ныгри и Хомолхо, золото вывезли буквально перед ними, всех охватило горькое отчаяние.

– Вот вся добыча, – Упырь показал небольшой кулёк с золотом. – А служивого пришлось грохнуть, ни к чему нам люди, прознавшие об нас.

– Погано, как же погано… – первым опомнился и застонал Пестриков.

– Не всё так дурно, господа! Меняем дорогу и прём на Вачу! Крыса конторская толковала: золото с тех приисков пока не трогали, нас дожидается, видать.

Оцепенение снялось сразу. Все воспрянули духом и разом направили своих коней в обратную сторону с нетерпением достичь устья речки Ныгри, впадавшей в Вачу.

На прииске же спустя полтора часа только и обнаружили убитого Сомова и вскрытые ящики. Никто не видел, кто подъезжал к конторе, кто мог застрелить горного смотрителя.

Прежде чем подъехать к ближайшему прииску, Упырь снова достал карту. Все стали рассматривать, где и какие прииски расположены в долине речки Вача.

– Гляньте, перед нами Степановский, чуть поодаль прииск Золотое русло.

– Ух ты название-то какое! Неужели и впрямь золотое? – воскликнул Рябой.

– Да погоди ты диву дивиться, это ещё ни о чём не говорит, вот кассу увидим, тогда оценим, – перебил Упырь Рябого и стал рассуждать дальше: – На ключе Атыркан-Бирекан прииск Негаданный, но это чуток в стороне. А что, давай этот ближний и накроем. Если удача улыбнётся на Степановском, то до Негаданного и не пойдём.

Так и решили.

К прииску Степановскому всадники подъехали не сразу. Остановились и с лесного пригорка, скрываясь за деревьями, стали наблюдать: что же делается в рабочем посёлке? Не надо было долго гадать, какая из построек приисковая контора. Из избы вышли двое, стали на высоком крылечке, закурили и, опёршись

на невысокие перильца, о чём-то разговаривали меж собой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/minchenkov_aleksandr/tyazhkoe-zoloto

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить